

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 132, сентябрь 2025

СРАЖЕНИЕ ЗА ВРЕМЯ В ПЕРЕВООРУЖЕНИИ ЕВРОПЫ

Appeasement в современном лексиконе англосаксонского мира означает трусливое и иллюзорное умиротворение, по образцу Мюнхенского соглашения 1938 года, когда было позволено расчленение Чехословакии – безо всякой пользы для предотвращения мировой войны.

Так действительно ли, как утверждают, Сигэру Исиба, Урсула фон дер Ляйен, Эмманюэль Макрон и Фридрих Мерц стали «Чемберленами» войны пошлин, согласившись на *appeasement* в виде 15-процентного тарифа, бесславно уступив шантажу Дональда Трампа? И действительно ли сам Трамп в Анкоридже (Аляска) проявил себя как «умиротворитель» по отношению к Владимиру Путину, и только твёрдость европейцев на саммите в Вашингтоне удержала его в числе гарантов безопасности Украины?

Чума телевизионной дипломатии и социальных медиа питается упрощёнными и пропагандистскими образами, но одновременно их и пожирает, и опровергает – в ритме эпизодов реалити-шоу. Так, европейцы, бывшие ещё недавно раболепными подданными американского президента на его шотландском гольф-поле, вдруг превращаются в упрямых защитников Запада за телевизионным столом в Белом доме. А Трамп, вчерашний триумфатор протекционистского разворота, не считающийся с союзниками, сначала будто бы оказался во власти кремлёвского соблазителя, попав под очарование сильного человека, а затем был якобы возвращён к здравому смыслу теми же союзниками. Кто знает, что будет завтра.

Разумеется, нужно понимать новые формы политики-спектакля и социальных медиа, но также необходимо избегать карикатурного представления о борьбе между державами, сведённой для масс к ежедневной импровизации, и видеть, как эти представления используются во внутренних политических кампаниях. Трамп разыгрывает спектакль нового национализма MAGA в рамках протекционистского и индустриалистского поворота, который должен стать противовесом американскому упадку. Образ «подчинения» ЕС служит социал-империалистической мобилизации европеизма: неслучайно на это намекает Марио Монти, когда пишет о европейской «Каноссе»¹, а Марио Драги, в более аналитическом ключе, говорит о «рассеявшейся иллюзии», будто одно лишь экономическое измерение «несёт в себе геополитическую мощь и влияние в международных торговых отношениях».

По словам фон дер Ляйен, согласие на 15% было «сознательным выбором» в пользу «стабильности» и «предсказуемости». Это позволило избежать «тарифных ответных мер», которые усугубили

бы атлантический кризис. *The Economist* видит «более тонкие победы» для ЕС в том, что в соглашении отсутствует. Так, там нет положений против Пекина или ограничений на полномочия Евросоюза в области налогообложения и регулирования цифровых услуг.

Марксистская наука о международной политике умеет разоблачать игру субъективистских представлений и идеологий. Её задача – придать научный порядок революционной политической борьбе. Поэтому она не гонится за медийными веяниями и умеет соотносить тезисы и интерпретации с множеством сил и интересов, участвующих в процессе.

Более тридцати пяти лет назад мы встретили реалистичный тезис о политике умиротворения, который выходил за рамки простого морализаторского осуждения. В февральской статье 1989 года «Гипотетические блоки с находящимися в упадке сверхдержавами» Арриго Черветто рассматривает аргументы Пола Кеннеди, историка «восхождения и упадка крупных держав», из его эссе начала 1980-х годов «Почему Британская империя просуществовала так долго?»: «Центральный тезис Кеннеди заключается в том, что Британской империи удалось замедлить свой упадок почти на столетие благодаря политике компромиссов, итоговая черта которой, осуществлённая под руководством Невилла Чемберлена, известна под названием «умиротворение»². Английский историк иронично призывал Рейгана и Андропова (а впоследствии – Горбачёва), стоявшим у руля «находившихся в упадке империй», извлечь уроки из «столетия британской истории».

С тех пор стратегический контекст глобального баланса кардинально изменился. Именно упадок СССР вскоре привёл к его распаду в 1991 году, открыв путь к воссоединению Германии и федерации евро. В то время Вашингтон видел главную угрозу в Токио, и Кеннеди предлагал «поддерживать Китай в качестве противовеса Японии»³; сегодня задача состоит в том, как уравновесить Пекин, и как в США, так и в Европе обсуждаются политики «блока против блока» или «умиротворения» этой страны с её беспрецедентным континентальным масштабом.

Общее в понятии «умиротворения» – будь то в эпоху длительного упадка Британской империи, в судьбах США и СССР как «империй в упадке» в 1980-е годы или в сегодняшнем противостоянии старых атлантических держав, включая Японию, с Китаем, – это сражение за время в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Если согласие на 15-процентный тариф считать актом умиротворения, то

в краткосрочной перспективе оно означает расчёт на время, необходимое для проявления американского кризиса. Вашингтон раздирают фракционные противоречия, наиболее яркое из которых – противостояние между Трампом и ФРС во главе с Джеромом Пауэллом. При этом ключевые источники – *Wall Street Journal*, *Financial Times* и *The Economist* – утверждают, что пошлины нанесут ущерб самим Соединённым Штатам.

В среднесрочной перспективе война пошлин должна рассматриваться в контексте других аспектов противостояния, в первую очередь перевооружения Европы и Японии. Компромисс на уровне 15% является также следствием военной зависимости. Вот почему «фактор времени» для ЕС означает не только ожидание, пока американские противоречия созреют, но и принятие контрмер и мер по уравниванию: перевооружение, в некоторой степени компенсированное приоритетом европейских производителей в заказах; сеть многосторонних соглашений с Японией, Мексикой, АСЕАН, Индией и МЕРКОСУР.

Поскольку речь идёт о комбинации компромиссов и политики баланса, которая касается как США, так и Китая, здесь важно понимать, что восстановление баланса в отношениях с Вашингтоном требует также сохранения стратегических связей Атлантического альянса и японо-американского союза, поскольку вторжение Китая затрагивает также интересы Европы и Японии.

Карл Кайзер, «трансатлантический патриарх», в течение тридцати лет возглавлявший DGAP, немецкое общество международной политики, в журнале *Internationale Politik* так резюмирует ди-

лемму Германии и Европы в отношении отношений с Соединёнными Штатами: «Семья сталкивается с самым большим испытанием в своей истории, потому что ей приходится выживать в условиях разрушительного отклонения от нормы. С одной стороны, это означает необходимость сохранять и развивать фундаментальные ценности трансатлантического сообщества, но с другой – отвечать на эту разрушительную силу. Более конкретно, Европа предстоит бороться за большую независимость, но также делать всё возможное для сохранения общего проекта, долгосрочного проекта Запада. В конце концов, это было когда-то смыслом создания Федеративной Республики Германия – и остаётся им до сих пор».

Начиная с саммита НАТО в июне, на котором было принято решение о схеме «пять на пять» – 5% на вооружение и инфраструктуру безопасности для обеспечения статьи 5 Атлантического договора о взаимной обороне, – мы следили за развитием международного противостояния, опираясь на шесть направлений и критериев анализа.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

1 – Каносса – город, в котором в 1077 году император Генрих IV три дня просил прощения у папы Григорий VII, стоя босым перед входом в его резиденцию; символ униженного подчинения.

2 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2019. С. 474.

3 – Там же. С. 475.

Содержание

СРАЖЕНИЕ ЗА ВРЕМЯ В ПЕРЕВООРУЖЕНИИ ЕВРОПЫ	стр. 1
Умиротворение и перевооружение в атлантическом кризисе	стр. 2
Европейское перевооружение и ядерный директорат	стр. 3
Осада Федеральной резервной системы.....	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
«Польский момент» под угрозой	стр. 5
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Пекин оценивает американскую нестабильность.....	стр. 6
<i>Хроники нового американского национализма</i>	
Безрассудная игра вокруг мигрантов в Калифорнии	стр. 7
<i>Демографические и миграционные тенденции</i>	
Слон обгоняет Дракона.....	стр. 8
Раскол Интернационала в Испании.....	стр. 9
Калифорния и Восточное побережье в оппозиции	стр.10
Медлительная Европа снова проходит испытание Меркосур.....	стр. 11
Резня на квадратный метр	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА.....	стр. 12

Умиротворение и перевооружение в атлантическом кризисе

(начало на 1-й стр.)

Первое направление связано с намерением Соединённых Штатов сократить своё военное присутствие в Европе – в формах и масштабах, которые ещё предстоит определить. По данным *Politico*, в Берлине царит неопределённость по поводу “Global Force Posture Review”, который будет опубликован в сентябре; министр обороны Борис Писториус просит держать Германию в курсе, но уже два года считает само собой разумеющимся, что в какой-то момент «американцы будут делать меньше». Вопрос о гарантиях безопасности Украины, как мы отмечаем, станет практической основой для пересмотра взаимных обязательств, а также может стать противовесом американскому сокращению участия, по крайней мере, на общеполитическом и стратегическом уровне.

Вторым направлением являются закрытые переговоры по вопросу о европейском ядерном сдерживании. Это подтверждается как по существу – сетью двусторонних соглашений между Парижем, Лондоном и Берлином, – так и по форме обсуждения, которое намеренно не выносятся на публику. Официально подтверждено решение о координации между французскими *force de frappe* и британскими силами сдерживания с созданием общей «контрольной группы» под председательством двух правительств. Закрытыми остаются переговоры об участии Германии – будь то по вопросу финансирования или в ракетной (но не ядерной) части «европейского сдерживающего фактора». На повестке дня, но в равной степени конфиденциальном формате, остаётся возможное преобразование контрольной группы в Европейский совет безопасности.

Третье направление – это встречные гарантии в связи с немецким перевооружением. Его масштабы таковы, что неизбежно требуют политической балансировки в Европе, а также вызывают реакцию в Москве и других странах. Трёхлетний бюджетный план Берлина предусматривает увеличение военных расходов с 80 до 150 млрд евро за три года с заявленной целью вернуть Германии статус крупнейшей конвенциональной силы в Европе. Согласно данным SIPRI по итогам 2024 года, глобальные военные расходы в прошлом году выросли до 2,718 трлн долларов, на 9,4 % в реальном выражении, что является самым высоким показателем с момента окончания холодной войны. Расходы США выросли на 5,7 %, составив 997 млрд (37 % от мировых). На европейские страны НАТО пришлось 454 млрд долларов, что составляет 16,7 % мировых расходов и около 2 % европейского ВВП. При достижении цели в 3,5 % ВВП расходы составят около 800 млрд долларов. Расходы России выросли до 149 миллиардов, что на 38 % больше, чем в 2023 году, и в два раза больше, чем в 2015 году, что составляет 7,1 % ВВП и является тяжёлым бременем для ослабленной экономики. Китай увеличил расходы на 7 %, до 314 миллиардов долларов, Япония – на 21 %, до 55,3 миллиарда.

Таким образом, по данным SIPRI, НАТО-Европа тратит в три раза больше, чем Россия, которая находится в состоянии войны, а в 2029 году одна лишь Германия превзойдёт её по объёму военных расходов. Кроме того, после реализации планов Атлантического альянса по увеличению военных расходов до 3,5 %

ВВП Берлин обеспечивать подавляющую долю европейских ассигнований. Необходимость политической и институциональной гарантии в Европе очевидна. Драги упоминает об этом в своём выступлении на встрече католического движения “Общине и освобождение” в Римини, отметив, что ЕС, склонный лишь реагировать, был вынужден перейти к перевооружению «в формах и способах, которые, вероятно, не отражают интересы Европы».

Кайзер даёт следующий ответ: Германия теперь воспринимается как «великая европейская держава» и вместе с Францией является ключевым фактором ЕС. Она станет «крупнейшей конвенциональной военной державой Западной Европы», в то время как уже является «крупнейшей экономической державой»; это «обязывает Германию играть ключевую роль в организации конвенционального сдерживания России». Перед лицом опасности, что пробуждение «немецкого гиганта» вновь разожжёт старые страхи, «одной из главных задач немецкого правительства в ближайшие годы будет предотвратить это [...] путём поиска связей с европейскими союзниками и укоренения своих действий внутри Европейского союза».

Возрождение, пусть и в изменённой форме, динамического треугольника между Парижем, Лондоном и Берлином требует некоторых дополнительных размышлений. В 1980-х годах Черветто даже назвал проекты европейской обороны «беспочвенными», если они не включали Великобританию. С другой стороны, Лондон был склонен затормаживать европейские инициативы в атлантическом смысле. Мы видели, что эти рассуждения оставались заключёнными в стратегических рамках Ялты. Оценка соотношения сил в рамках действительного раздела между США и СССР подводила к выводу, что *рейнская ось* в одиночку не смогла бы преодолеть ялтинского раздела, когда у Москвы, помимо прочего, имелись «сапоги на земле» в Берлине.

Распад СССР имел последствия, сравнимые с третьей мировой войной. Германия вышла из него объединённой, и под этим импульсом в 1992 году родился Европейский Союз – слияние различных союзных и межправительственных институтов, сопровождавших развитие Общеввропейского рынка с 1957 года, – а в 1998 году была создана еврозона. Возникает вопрос: действительно ли то представление о соотношении сил в Европе, которое было актуально в 1980-х годах и требовало участия Франции, Германии и Великобритании в европейской обороне, сохранило свою актуальность в условиях нового раздела, который вернул Восточную Европу и отбросил политико-государственное разделение в российскую зону? Кроме того, Лондон сохранял свою внутреннюю двойственность по отношению к ЕС даже при более проевропейской линии Тони Блэра. Фактически, в решающий момент – как нож в масло, который с войной в Ираке 2003 года разделил Старую и Новую Европу – Великобритания поддержала разделительную политику США.

Один из уроков событий 2003 года заключался в том, что военная централизация ЕС была невозможна против воли Соединённых Штатов. И хотя следующие двадцать лет подтвердили справедливость сомнений относительно

но той «войны по выбору», а США так и не смогли выдержать её последствий на уровне внутреннего консенсуса, факт остаётся фактом: европейская оборона была фактически заморожена на двадцать лет. Это лишь подтвердило, что реальной опорой остаётся европейский столп НАТО. В конце концов, действительный раздел означал не только присутствие СССР в Германии и в Восточной Европе, входивших в Варшавский договор, но и основывался на сближении Вашингтона и Москвы в поддержке этого раздела. Недостаточно было того, что СССР рухнул: американская оппозиция европейской автономии всё равно сохранялась.

Уже в “Тетрадах 1981–1982”, подводя итог своему стратегическому анализу, Арриго Черветто, возвращаясь к своему тезису 1962 года о «экономических блоках империализма», отмечал, что интеграция между США и ЕЭС оказалась куда глубже, чем он предполагал в начале 1960-х. На этой основе мы в следующие три десятилетия развивали марксистскую концепцию европейского империализма, исходя из того, что его стратегической основой станет трансформация трансатлантических отношений, а не их разрыв.

Процесс, который привёл к созданию единой валюты, может служить ориентиром и для европейской обороны. Он укрепил стратегическую самостоятельность Европы в финансово-валютной сфере, став Рубиконом передачи суверенитета федерации евро. Однако ключом к успеху послужило и то, эта стратегическая независимость была достигнута без разрыва атлантических связей. Таким образом, это был двойной процесс: рождение федерации евро и трансформация/сохранение отношений с Соединёнными Штатами. Вспомним, с какой решимостью Гельмут Шмидт и Валери Жискар д’Эстен начали движение к валютному союзу, уделяя при этом максимальное внимание сохранению Атлантического альянса. Саммит в Рамбуйе 1975 года, с которого началась практика встреч G7, стал признанием того, что США, несмотря на односторонний “шок Никсона” 1971 года, уже не могли управлять глобальной системой в одиночку: Шмидт и Жискар, чемпионы европеизма, одновременно выступили “архитекторами” этой новой директории.

Конечно, к этой стратегической картине, уже преобразованной переломом 1989–1991 годов, сегодня добавляется кризис порядка, в котором речь идёт уже не только о завоевании Европой и Японией своего места, но и о появлении Китая как равного конкурента США. Если это и является причиной атлантического упадка и колебаний США, олицетворяемых Трампом, то трансатлантическая взаимность – поиск равноправных отношений между Европой и США, о котором размышлял Вольфганг Шойбле – приобретает новую основу. Американский *Sonderweg*, изолированный и односторонний путь США, представляет угрозу для Европы, но также противоречит общему стратегическому интересу в поддержании баланса в отношении Китая. Европейский интерес в сдерживании колебаний США касается как атлантических отношений в узком смысле, с которыми связано уравнивание России, так и глобальных отношений и китайского вопроса, где в том числе и ЕС ощущает давление Поднебесной. В то же время, дозировка

отношений с Пекином, а также с Токио, Джакартой, Дели и связкой Бразилиа и Буэнос-Айреса в МЕРКОСУР являются частью сдерживания колебаний США, и, безусловно, это обсуждается в Европе, Японии, Индии, Индонезии, Бразилии, а также и в Китае.

Отсюда вытекает и четвёртое направление анализа: замешательство в Азии, вызванное односторонними действиями США. Удары, нанесённые в войне тарифов, приводят к неопределённости в политических отношениях и отношениях в сфере безопасности. Среди комментаторов, размышляющих о позиции правительства Исибы, обсуждается тема «неделимой безопасности»: если Трамп демонстрирует способность в одностороннем порядке договориться об умиротворении с Москвой, то он может поступить так же и с Пекином.

Хироюки Акита, один из ведущих комментаторов авторитетной газеты *Nikkei*, приходит к тем же выводам, что и Кайзер, но применительно уже к сети отношений Токио: чтобы предотвратить опасные повороты в американской внешней политике, основные союзники США должны «тесно координировать свои действия», «делиться подробными оценками» и даже «распределять задачи» в отношениях с Вашингтоном. Для союзников Америки «управление отношениями с США» становится столь же важным, как определение собственных стратегий в отношении Москвы и Пекина.

В Азии сегодня наиболее ослабленными выглядят связи между Вашингтоном и Нью-Дели: контекст Quad размывается, что, скорее, идёт на пользу двусторонним отношениям между Индией и Японией, а в расчётах индийской многовекторности Пекин вновь приобретает большее значение.

Пятое направление касается главы, которая только начала открываться, а именно реакции на перевооружение Германии и Европы – как в России, так и в целом среди прочих держав, начиная с Китая. Это станет особенно заметно, если в уравнение европейской и глобальной безопасности войдёт фактор европейского ядерного сдерживания. В прошлом евроракеты и азиатские ракеты были в центре важнейших политических баталий; сегодня к этому добавляется ядерное перевооружение Китая, стремящегося к паритету с США и Россией, а также кризис договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Шестое направление носит прежде всего методологический характер. Каждый аспект кризиса порядка – война *по-шпин*, перевооружение, региональные войны и конфликты, изменение баланса сил и политический цикл в ключевых державах – должны рассматриваться в контексте сети взаимосвязей и взаимозависимостей. Среди европейской бюрократической верхушки, как сообщает *Financial Times*, часть тех, кто видел в тарифных переговорах лишь «классический торговый спор», настаивали на жёстких ответных мерах. Но фон дер Ляйен, оценивая «общую картину» кризиса, предпочла «осторожность» и «неприятные риски», в то время как Генеральный директорат по торговле просил государства проявить «стратегическое терпение». И здесь проследживается связь между умиротворением тарифном вопросе и сроками европейского перевооружения.

Европейское перевооружение и ядерный директорат

Из предисловия к готовящейся к изданию книге "Le armi dell'imperialismo europeo".

Количество и качество противоречий, накопленных в рамках кризиса порядка, создают благодатную почву для беспрецедентной попытки укоренения ленинизма в Европе. Два отрывка размышлений Арриго Черветто – из "Тетрадей" 1981–1982 годов и "Трудного вопроса времени" – дают ориентир для рассмотрения всех аспектов неравномерного развития как с точки зрения классовой борьбы, так и с точки зрения столкновения держав внутри системы государств.

В "Тетрадах" Черветто пишет, что борьба за построение партии по большевистской модели в Италии 1960-х годов основывалась на анализе капиталистического развития: «Благодаря Ленину я, наконец, мог видеть развитие капитализма в Италии в качестве молекулярного процесса [...] этот процесс должен создать так много и таких сильных противоречий, что группа, которая окажется способной научно проанализировать этот процесс и внимательно следить за ним, создаст революционную организацию. Когда в течение десятилетий противоречия неизбежно станут катастрофическими, только эта организация будет обладать полным пониманием происходящего и окажется в состоянии использовать их для того, чтобы перевернуть политические и социальные отношения». Ленинизм смог осуществить это в России. «Мы сможем это сделать в метрополии, которая созревает империалистически, при условии, что нам удастся научно проанализировать эту стадию созревания»¹.

В статье "Классовая борьба и революционная партия" (1964) была высказана концепция «органической взаимосвязи»² между научным анализом "Капитала" Карла Маркса и большевистской моделью партии, описанной в ленинской "Что делать?". Концепция партии-науки позволила рассмотреть империалистическое развитие в итальянской метрополии. В редакционной статье от мая 1984 года "Долгое капиталистическое развитие в ходе великого кризиса" мы обнаруживаем тот же подход, применённый к международному измерению противостояния держав, обострённого десятилетиями неравномерного послевоенного развития и кризисом реструктуризации 1970-х годов. «Империализм, порождающий войну и, следовательно, кризис, одновременно распространяет капитализм по всему миру. Противоречия, порождаемые этим глобальным процессом, столь многочисленны и столь сильны, что провоцируют экономические и политические кризисы, способные перерасти в революцию – при условии существования коммунистической партии, способной её осуществить, и объективным вовлечении трудящихся масс в борьбу»³.

Эта статья, позднее вошедшая в книгу "Трудный вопрос времени", составила её политическое ядро: «Это то, что Маркс и Энгельс поняли в 1850 г. Как для них, так и для Ленина "вопрос времени" не столько касался мирового рынка и судьбы капитализма, сколько был связан с оценкой количества и природы противоречий и субъективной способности – то есть способности его авангардной партии – использовать такие

противоречия». Бессмысленно ожидать необратимого кризиса, «автоматического крушения»⁴ капитализма, так же как бессмысленно назначать сроки краха существующего порядка. Скорее, речь идёт о том, чтобы в международной борьбе осознать противоречия, неизбежно порождаемые неравномерным развитием империализма, которые проявляются сегодня в кризисе мирового порядка.

Цепь локальных войн – от Европы до Среднего Востока и Азии – не может дать выход накопленной напряжённости, обусловленной в первую очередь восхождением Китая, не может привести к такому изменению баланса сил в системе государств, которое делает возможным, хотя и маловероятным на данный момент, общий разрыв. Войны, вызванные кризисом порядка, переплетаются между собой, и к тому же их сопровождает новый цикл перевооружения великих держав, что таит в себе ещё более смертоносные противоречия.

На июньском саммите НАТО целевой показатель военных расходов альянса был увеличен с 2 % ВВП, установленных в 2014 году, до 3,5 % плюс 1,5 % на стратегическую инфраструктуру по примеру немецкой модели. Это означает плановое увеличение мировых военных расходов примерно на четверть и отражает текущие мировые тенденции, включая вклад США, которые в 2025 году увеличили оборонный бюджет с 850 млрд до 1 трлн долларов. Европа, включая Великобританию, увеличит оборонный бюджет с 450 млрд до более чем 800 млрд долларов за 5 лет; расходы Германии подскочат с 80 млрд до 150 млрд евро к 2029 году, а расходы Франции за следующие 2 года удвоятся. В политическом плане перевооружение подтверждает смещение баланса сил между двумя сторонами Атлантики и на Рейне.

Переворужение Европы открывает борьбу за военные заказы в промышленной сфере – это «оборонный суперцикл», в котором объективно заинтересованы американские группы, открытые для совместных предприятий с европейскими, как сообщает *Financial Times*.

Согласно докладу Марио Драги о конкурентоспособности Европы, относительное снижение оборонных расходов в Старом Свете в период с 1992 по 2014 год создало дефицит поставок, для выполнения которого потребуются инвестиции и промышленная политика, ориентированная на европейские интересы. Сегодня 78 % заказов приходится на поставщиков из стран, не входящих в ЕС, а 63 % – на США. В течение определённого периода европейская промышленность, несмотря на укрепление, не сможет удовлетворить возросший спрос, что делает обязательным евроатлантическое объединение.

Здесь переплетаются четыре цели. С одной стороны, интеграция, координация и концентрация национальных отраслей в европейском масштабе; с другой – потребность и желание Европы сохранить промышленные связи с американскими группами, которые контролируют оперативную совместимость сил НАТО и обеспечивают доступ к активам и технологиям, недоступным европейской оборонной промышленности. В то же время – строительство в рамках Атлантики потенциально автономных промышленных баз. Наконец,

переплетение промышленного, военного и политического измерений предполагает формирование "европейского столпа" в рамках альянса, который при необходимости сможет действовать самостоятельно и составит основу для долгосрочной независимой европейской обороны.

В 1990-е годы Мадлен Олбрайт выступала за формулу "3D" (no Decoupling, no Duplication, no Discrimination), направленную против «разобщённости, дублирования и дискриминации» в атлантических оборонных системах. Сегодня Эмманюэль Макрон и Фридрих Мерц продвигают формулу "три S" (Simplification, Standardisation, Scale) – стандартизация, упрощение и масштабирование – для европейской обороны, которая будет «дополняющей и совместимой» с НАТО. Борьба только начинается. Ллойд Остин, бывший глава Пентагона, продвигает в *Financial Times* идею трансатлантического «совместного производства», чтобы противостоять искушению Европы действовать в одиночку. Частично положения о «покупке Европы» включены в европейскую программу оборонного долга SAFE (Security Action for Europe), в которой в течение следующих 5 лет примут участие 18 стран, включая Испанию, Францию, Италию и Польшу. Объём этой программы составляет 127 млрд евро, что эквивалентно одной десятой военных расходов указанных стран.

На уровне европейских политических сил эффективное функционирование Европейской тройки, включающей Францию, Великобританию и Германию, подтверждает намерение создать "Коалицию желающих" для Киева, «лабораторию для европейской опоры посттрамповского НАТО» – это французская формула, которая в очередной раз очерчивает контуры европейских военных сил вокруг Украины. Это дополняется имеющей большой стратегический потенциал инициативой трёх столиц в области ядерного сдерживания, европеизацией французского и британского сдерживания, финансовыми и ракетными взносами Германии и даже первыми шагами по созданию нового ядерного директората.

По данным *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)*, переговоры между Парижем, Лондоном и Берлином ведутся «конфиденциально», но затем выливаются в ряд важных публичных шагов. Нортвудские декларации Франции и Великобритании и Кенсингтонская декларация Германии и Великобритании открывают путь для дальнейших шагов Франции и Германии. По мнению Мерца, «эти соглашения являются взаимодополняющими» и указывают направление, выбранное «странами ЕЗ». Они затрагивают основные сферы европейского империализма на военном фронте.

Любой противник, угрожающий жизненно важным интересам двух стран – подписантов Нортвуда, «может быть встречен мощью ядерных сил обеих сторон». Эта позиция, фактически являющаяся франко-британским ядерным зонтиком, ориентирована на континент: «чрезвычайная угроза безопасности Европы» повлечёт за собой «быстрый ответ со стороны обеих стран».

Характер ответа не уточняется, но, учитывая контекст, невозможно ис-

ключить и ядерный: эти «лингвистические тонкости», как отмечает Жан-Доминик Мерше из *l'Opinion*, не могут быть проигнорированы теми, кто владеет языком ядерных доктрин.

Париж и Лондон впервые «координируют» свои ядерные силы и создают «франко-британскую группу по контролю над ядерным оружием» под председательством руководителей высшего звена. Это может заложить основу институциональной структуры для постоянного принятия политических решений по ядерным вопросам, в которой – и это крайне важно – Германия также могла бы участвовать в будущем, по мнению Михаэля Вайгель из *FAZ*. Фактически, это создало бы зачаточную форму Европейского совета безопасности, учитывая уровень принятия политических решений, подразумеваемый таким разделением, пусть и частичным, ядерного суверенитета.

Англо-германское Кенсингтонское соглашение подразумевает активизацию трёхстороннего сотрудничества с Францией, что «необычно для двустороннего договора», отмечает Николай фон Ондарза из Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP). Соглашение завершает формирование «европейского треугольника договоров» о взаимной военной обороне, который включает Ахенский договор 2019 года между Францией и Германией. Лондон и Берлин, как подразумевает Кенсингтонское соглашение, проведут «углублённый обмен мнениями по стратегическим аспектам политики безопасности», включая «сдерживание» и «ядерные проблемы»; они также разработают новый «высокоточный потенциал для нанесения глубоких ударов», который может иметь последствия для стратегической противоракетной обороны.

Американская пресса также говорит о «трёхстороннем альянсе», а источники в немецком правительстве вынуждены заверить *Wall Street Journal*, что Париж и Берлин находятся «только в начале стратегического диалога о ядерной безопасности: это первый очень осторожный шаг к изучению европейского измерения».

Но довольно об этом. Европа удваивает свои военные расходы и сближается с США; в настоящее время идёт колоссальное перевооружение, достигающее беспрецедентного порога европеизации ядерного сдерживания, последствия которого для отношений между державами ещё только предстоит оценить. Экономических, политических и стратегических противоречий, которые породит этот процесс перевооружения, будет «так много», что это позволит развернуть революционное политическое сражение в самом сердце старой Европы, если мы сумеем их проанализировать и ухватить.

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

1 – Ла Барбера Г. *Lotta Comunista*: в направлении партии-стратегии. 1953–1965. СПб.: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2016. С. 226–227.

2 – Черветто А. *Классовая борьба и революционная партия*. СПб.: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2014. С. 52.

3 – Черветто А. *Трудный вопрос времени*. СПб.: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2007. С. 110 (перевод исправлен).

4 – Там же. С. 109.

Осада Федеральной резервной системы

С самого начала своего второго срока Дональд Трамп ведёт длительную осаду Федерального резерва. Непосредственная причина – неприятие президентом политики процентных ставок ФРС, которые последние упорно удерживает выше 4 % с заявленной целью сдерживать инфляционные эффекты, вызванные введёнными Трампом тарифами. Президент хочет снизить ставки до 1 %. Его экономические советники утверждают, что экономике нужно дать больше топлива; стоимость заимствований должна быть ниже, чем у ЕЦБ (2 %); необходимы дальнейшее ослабление доллара для стимулирования экспорта, снижение стоимости ипотечных кредитов и сокращение расходов на обслуживание госдолга, которые в настоящее время равны расходам на оборону.

Эти аргументы предвосхищают ультраэкспансионистскую монетарную политику, которая будет накладываться на растущий в ближайшее десятилетие бюджетный дефицит и инфляционное давление тарифов. Трамп в ярости, потому что каждый процентный пункт ставки обходится государственному бюджету в 360 млрд долларов. Существует обоснованное подозрение, что экономия нескольких сотен миллиардов долларов на процентах поможет скрыть ущерб от его протекционизма и налоговых послаблений. Но за этой борьбой стоит и стратегическая ставка, касающаяся самой природы монетарной власти и её независимости.

Бёрнс, Кнут и Рикардо

Давление на центральный банк является постоянным и осуществляется как другими ветвями власти и международной системой государств, так и крупными финансовыми корпорациями. В истории ФРС показательным является неустанное давление президента Ричарда Никсона на Артура Бёрнса, возглавлявшего агентство с 1970 по 1978 год, задокументированное в записях Овального кабинета, оставленных самим президентом. Никсон опасался проиграть выборы 1972 года. Бёрнс уступил, снизил учётную ставку и расширил денежную массу. Никсон выиграл выборы, но именно на Бёрнса историки-монетаристы возлагают ответственность за инфляционную волну 1970-х годов – тезис, по меньшей мере, однобокий, учитывая глобальный масштаб этой волны, значительно усиленной нефтяным кризисом.

Вопрос независимости центральных банков постоянно поднимался после мирового финансового кризиса и во время европейского долгового кризиса. В своей речи в октябре 2013 года глава Центрального банка Нидерландов Клаас Кнут, опасавшийся, что «нетрадиционные» меры сделают центральные банки заложниками фискальной политики правительства, обратился к пророку классической буржуазной политической экономии. В начале XIX века «Давид Рикардо объяснял, что предоставлять правительствам право выпускать бумажные деньги – не лучшая идея, поскольку, по его словам, правительства почти наверняка будут злоупотреблять этим правом». И если обстоятельства, например, военное время, потребуют больше денег, центральные банки, предупреждал Рикардо, «никогда и ни под каким предлогом не должны давать правительству кредиты и ни в коем случае не должны находиться под его контролем или влиянием». Рикардо был голосом стоклордов – хозяев денег, торговой и промышленной буржуазии, которая во время Славной революции

добилась создания Банка Англии, тогда как политическая власть оставалась в руках лендлордов – земельной аристократии. В эпоху империализма независимость центрального банка выражает уже иные комбинации.

Независимость монетарной власти

Концепция «монетарной власти» не сводится только к «монетарным» функциям центрального банка – таким, как установление стоимости денег, определение денежного количества, необходимого для обращения, или роль кредитора последней инстанции – хотя всё это входит в его прерогативы. В марте 1979 года Банк Италии потряс тяжёлый кризис. Римская прокуратура предъявила обвинение высшему руководству банка в личной заинтересованности и пособничестве. Заместитель генерального директора Марио Сарчинелли, глава надзорного органа, был арестован. Губернатор Паоло Баффи избежал тюремного заключения из-за возраста, но был вынужден уйти в отставку. Оба были оправданы 2 года спустя. Туман скандала и тёмная подоплёка этих событий производили эффект ещё в течение многих лет.

Для марксистской науки это стало поводом прояснить ситуацию. Центральный банк, писал Арриго Черветто в апреле 1979 года, «обладает только той властью, которую ему могут предоставить крупные финансово-экономические группы, а они могут предоставить её лишь в той мере, в какой она отражает баланс взаимоотношений и не склоняется чрезмерно в пользу одной группы. Согласно марксистской теории, эту власть можно рассматривать скорее как «монетарную», чем как «финансовую». [...] Во всех странах плюрализм «экономической власти» определяет плюрализм «политической власти» и «баланс властей» между различными институтами, так что «монетарная власть», будучи централизованной в национальном банке, не делегируется, кроме как частично – «исполнительной власти», как правило, казначейству, – а доверяется центральному банку, который, таким образом, оказывается удалён от политической конъюнктуры исполнительной власти».

Таким образом, независимость центрального банка основана на его отделении от исполнительной власти и её «политической конъюнктуры» и отражает состояние равновесия между крупными финансовыми группами. Разрыв 1979 года стал следствием «химической войны», «усугублённой и обострившейся в условиях глобальной реструктуризации». Эта война затронула законодательную и исполнительную ветви власти, где «сталкивались, вплоть до паралича и постоянных электоральных обращений [...], интересы крупных химических групп и поддерживающих их финансовых центров». Банк Италии в конечном итоге «склонился в пользу IMI», группы, финансирующей химическую компанию Rovelli-SIR. Нападение на Банк Италии «в этом контексте становится корректирующей мерой, направленной на восстановление баланса между крупными группами».

Несколько лет спустя «развод» между Казначейством и Банком Италии укрепил независимость последнего, освободив от необходимости обслуживания государственного долга, что стало предпосылкой для запуска процесса создания валютного союза.

С одной стороны, создание Европейского центрального банка расширило множество финансовых групп до континентального масштаба, дистанцировав

федеральную монетарную власть от отдельных национальных «политических конъюнктур», тем самым усилив её независимость, как позднее утверждал Марио Драги. С другой стороны, умножение финансовых групп осложнило баланс их взаимоотношений, который по-прежнему в значительной степени достигается через национальные центральные банки. Более чем десятилетний тупик в создании Европейского банковского союза выражает это противоречие.

Битва ФРС

Атака Белого дома на ФРС и её главу носит беспрецедентный характер и сопровождается непочтительными словесными нападками и публичными оскорблениями, исходящими лично от Трампа в СМИ и социальных сетях, особенно на его собственной платформе Truth Social. На твёрдую позицию ФРС, сохранившей процентные ставки, президент и министр финансов Скотт Бессент ответили требованием об отставке Джерома Пауэлла и представили ряд кандидатов, готовых его заменить. Бессент предложил назначить «теневое» председателя ФРС, который взялся бы опровергать и делегитимировать Пауэлла, оставляя того во главе до истечения мандата в мае 2026 года.

Возникла дискуссия о правовых полномочиях президента уволить главу центрального банка, и пока преобладает мнение, что Верховный суд не одобрит увольнение, если Пауэлл не совершил уголовных преступлений. Это привело к обвинению Пауэлла в «мошеничестве» – будто бы он потратил на реконструкцию зданий ФРС больше денег, чем было заложено в бюджете Конгресса. Обвинение оказалось настолько надуманным, что Трамп, похоже, отложил его в сторону. Вместо этого он, похоже, делает ставку на отсутствие консенсуса внутри центрального банка.

На последнем июльском заседании FOMC (органа, определяющего процентные ставки) два назначенца Трампа (Мишель Боуман и Кристофер Уоллер) впервые проголосовали против большинства. Из исполнительного органа досрочно, за несколько месяцев до окончания мандата, ушла Адриана Куглер, сторонница Пауэлла. В начале августа Трамп уволил комиссара Бюро статистики труда (BLS), опубликовавшего пессимистичный отчёт о занятости. Данные BLS имеют ключевое значение для конъюнктурного анализа центрального банка. Теперь Трамп подписал увольнение Лизы Кук, ещё одного члена исполнительного органа, обвинённой в фальсификации документов для получения выгодных условий ипотечного кредитования. Цель – запугать и дезорганизовать коалицию Пауэлла, которая пока держится крепко, оказываясь самым упорным из внутренних и внешних противников Трампа. Черветто писал в цитируемой выше статье: «История показала правящему классу, что фракции легче захватить казначейство, чем центральный банк».

Предложение по реформированию ФРС

Попытка Белого дома навязать ФРС свою волю в вопросах процентных ставок сопровождается попыткой радикально ограничить её полномочия. В одном из первых указов Трампа от 18 февраля заявлено о намерении вновь централизовать под «исполнительной властью президента» «независимые регулирующие агентства», которые до сих пор действовали «с минимальным президентским надзором». В указе говорится,

что это не будет распространяться на ФРС «в её деятельности по монетарному управлению», но будет касаться её деятельности, «связанной с надзором и регулированием финансовых учреждений». Следует отметить, что первое существенное вмешательство исполнительной власти происходит именно в монетарное управление; а надзорные и регулирующие операции являются важнейшими функциями для осуществления монетарной власти, обеспечивая баланс во взаимоотношениях между финансовыми группами.

Стивен Миран, автор соглашения «Мар-а-Лаго» («Пролетарский интернационалист», апрель 2025 г.), возглавлявший Совет экономических консультантов (СЕА) при Трампе, был повышен до должности в совете директоров ФРС, сменив ушедшую в отставку Куглер. В настоящее время распространяется его статья, написанная в марте 2024 года для нью-йоркского Manhattan Institute, в которой предлагается реформировать систему управления ФРС. Примечательно, что соавтором статьи является Дэн Кац – руководитель аппарата министра финансов Бессента. Миран и Кац резко критикуют ФРС, обвиняя её в том, что она перестала осуществлять технократическое руководство и взяла на себя функции политического лидера.

«Политическая независимость» ФРС представляется ими «по сути своей антидемократической». Необходимо «пересмотреть систему управления ФРС», установив новый баланс между усилением президентского контроля над Советом управляющих и укреплением системы региональных ФРС, которые следует национализировать, передав их председателям право формировать советы директоров, которые в настоящее время избираются региональными бизнес-сообществами. Согласно предложению Мирана – Каца, 12 региональных банков ФРС смогут голосовать на каждом заседании, а не поочерёдно, как это происходит сегодня, «уравновешивая возросший контроль Белого дома над Советом управляющих ФРС». Эта система называется «монетарным федерализмом» и предполагает изменение баланса сил при голосовании по ставкам между ФРС и её региональными агентствами с нынешних 7 к 5 в пользу Совета управляющих – до 12 к 7 в пользу региональных агентств. Срок полномочий членов Совета управляющих и руководителей региональных агентств должен быть сокращён до 8 лет, и, прежде всего, «должна иметься возможность отстранения их всех от должностей по желанию президента для обеспечения их подотчётности демократическому процессу». Это предложение бросает открытый вызов независимости центрального банка, а также авторитету и финансовой стабильности Соединённых Штатов. Оно ставит под угрозу две важнейшие характеристики монетарной власти – её отделение от исполнительной власти и централизацию. Эта попытка отражает глубокие изменения, охватившие финансовую систему: рост числа влиятельных небанковских групп и гигантов частного инвестирования, не котирующихся на фондовой бирже среди финансовых гигантов; распространение самоуверенных «клубов», сочетающих высокие технологии с частной эмиссией цифровых валют; безудержный рост выпуска государственных и частных облигаций, предвещающий шоковые реструктуризации и монетизации долга.

Европейские хроники

“Польский момент” под угрозой

В июле стратегический треугольник Лондон – Париж – Берлин усилился с подписанием, во-первых, Нортвудской декларации, предусматривающей возможность координации британских и французских ядерных сил через создание «управляющей ядерной группы», и, во-вторых, Кенсингтонского договора – англо-немецкого оборонного пакта. Эти соглашения дополнили франко-британский договор в Ланкастер-хаусе и франко-немецкий Ахенский договор.

Несмотря на то, что Польша подписала в мае Нансийский договор с Францией, она осталась в стороне от недавних переговоров в формате ЕЗ, в которых участвуют только Великобритания, Франция и Германия. Тем не менее, формирование нового правительства Дональда Туска из “Гражданской платформ” (ГП) по итогам октябрьских выборов 2023-го года – после восьми лет противостояния между Брюсселем и прежним руководством страны, представлявшим партию “Право и справедливость” (ПиС) – усилило ожидания увеличения влияния Варшавы в Европе.

В книге “Польша. История амбиций”, опубликованной в феврале 2025 года, Пьер Бюлер пишет о «долгожданном польском моменте». С точки зрения французского дипломата и бывшего посла в Варшаве, в связи с «возобновившейся агрессивностью России» Польша стремится стать «новым краеугольным камнем европейской безопасности» – несмотря на то, что отсутствие собственной развитой военной промышленности и политически мотивированный отказ от присоединения к еврозоне ограничивают её потенциал. С другой стороны, победа в президентских выборах в июне Кароля Навроцкого, поддержанного национал-популистской партией ПиС, заставляет задуматься об истинных масштабах «польского момента». Как предупреждает газета *Le Monde* от 23 июля, в то время как «крайне правая оппозиция вышла из выборов усилившейся и оживлённой», коалиция Туска демонстрирует признаки раскола и «рискует впасть в паралич».

Груз прошлого

В Польше проживает 38 млн человек, её ВВП на душу населения увеличился с 51 % до 80 % от средневропейского показателя с момента её вступления в ЕС в 2004 году. В то же время, предупреждает Бюлер, следствием глубокой трансформации страны стали также «пробуждение призраков прошлого, и конфликты памяти ложатся грузом [...] на отношения Польши с её соседями». Это в особенности верно для «исторической политики» ПиС: ярко антинемецкие позиции национал-популистской партии отражают «коллективный нарциссизм» и подталкиваемую им идеологическую инструментализацию прошлого. В Польше история оставила «намного более глубокий след, чем в большинстве других стран», утверждает Бюлер. В своей книге он сводит постоянные черты польского морального фактора, формировавшиеся веками, к трём ключевым элементам: «Во-первых, ведущая роль католицизма; затем – роль Польши как бастиона от постоянных атак с Востока; наконец, несгибаемость нации, которая постоянно восставала против иноземного ига».

Польша пережила монгольское нашествие, экспансию Османской империи, оккупацию со стороны протестантов – пруссаков и шведов, а так-

же православных русских. Католицизм, принятый в конце X века как «оборонительная позиция», с течением веков стал основой национальной идентичности. Золотой век Польши пришёлся на XVI столетие – эпоху Речи Посполитой, конфедерации, ставшей вершиной унии польской короны и Великого княжества Литовского, начавшейся ещё в конце XIV века. В момент своего зенита польская выборная монархия занимала доминирующее положение в Центральной Европе, раскинувшись от Балтийского до Чёрного моря.

Отличительной чертой Польши в сравнении с другими европейскими средневековыми государствами, как утверждает Бюлер, было формирование кучкой «магнатов» «самой настоящей олигархии, державшей в своих руках реальную власть». *Liberum veto*, которое после 1652 года гарантировало любому члену Сейма возможность заблокировать голосование, парализовало политическую систему. В рамках «транзакционной» логики выборов короля в обмен на новые привилегии центральная власть была постоянно ослаблена, что поощряло коррупцию и вмешательство других держав. Страна вошла в эпоху своего упадка. «Триумф контрреформации», а также разрушение протестантских церквей и погромы «по наущению церковников» изолировали Польшу от «интеллектуальных течений Западной Европы, отдав всех, за малым исключением, дворян в руки растущего мракобесия». Пользуясь «золотой свободой» ценой всё более жёсткой эксплуатации крестьян, дворяне испытывали «чувство превосходства над другими частями общества и придерживались ксенофобской позиции». После исчезновения Польши с карт мира – результат трёх разделов, осуществлённых Россией, Пруссией и Австро-Венгрией¹ в 1772, 1793 и 1795 годы – католическая церковь стала «душой разделённой нации и убежищем в ожидании лучших времён».

Конфликтное соседство

Враждебность литовских, белорусских и украинских крестьян к «польским господам» время от времени выливалась в бунты. Как пишет Бюлер, в 1648 году, во время восстания украинских крестьян, происходила резня католического духовенства, польского дворянства, «а также евреев, обвинённых в служении господам». Схожие столкновения случались в течение XVII и XIX веков. После восстановления независимости в 1918 году – породившего образ Польши как “Христа народов” – Варшава прошла через шесть войн с соседями, чтобы закрепить свои границы. Национал-демократическое течение Романа Дмовского выступало за «государство как централизатор и интегратор» и «насильственную колонизацию» меньшинств, а течение Юзефа Пилсудского защищало картинку ягеллонской Польши, «что заключала бы в своих прежних границах – от Балтийского моря до Чёрного (Междуморье) – также белоруссов, украинцев и литовцев».

Пилсудский, начавший свой путь в Польской социалистической партии, стал главой государства и объявил: «Я сел на трамвай социализма, но вышел на остановке независимости». После государственного переворота 1926 года, поставившего точку в «демократической главе», он проводил политику балансирующую между СССР и Германией, подписав договор о ненападении с Москвой в 1932 году и с Берлином

в 1934-м. После смерти Пилсудского в 1935 году Польша, считавшая себя великой державой, «ослепленная выскомерием», замкнулась в себе, ведомая «узким национализмом в поисках “польской Польши”, хотя почти треть её населения составляли украинские, еврейские, белорусские и немецкие меньшинства». Таким образом, Варшава, не скрывавшая «свою симпатию к Франко во время испанской гражданской войны» и поддерживавшая «нападение Муссолини на Эфиопию», вместе с нацистской Германией участвовала в разделе Чехословакии после Мюнхенских соглашений 1938 года, оккупировав часть Силезии. Через год уже сама Польша стала добычей Германии и СССР, что вторглись на её территорию.

Немецкая оккупация Украины, сперва встреченная «как знак грядущего создания независимого украинского государства», сподвигла радикальные фракции украинских националистов на насильственные выступления против поляков с использованием методов этнических чисток, которым они научились у немцев, поучаствовав в убийстве примерно 200 тыс. евреев. Поляки ответили тем же масштабом насилия. Даже в Литве вторжение нацистов «дало литовцам случай похвастаться с поляками за Вильно [...] и сотрудничать с нацистским режимом в уничтожении более 60 тыс. евреев».

Европа
и польский католицизм

Во время второй мировой войны Польша была разрушена и потеряла более одной шестой своего населения: погибли 6 млн человек, из них 3 млн евреев. Уничтожение евреев, перенос границ на Запад и переселение примерно 7 млн человек привело к тому, что после войны 90 % населения страны составили поляки-католики, что, по словам Бюлера, случилось впервые с самого польского завоевания Галиции в 1349 году. Под властью Москвы католическая церковь вновь оказалась «на переднем крае – единственной организованной силой, имевшей право существовать вне рамок государственной власти и в то же время быть от неё независимой». Историк акцентирует внимание на бодрящем эффекте избрания польского Папы в 1978 году, а также роль церкви в союзе со светской интеллигенцией и рабочими, организованным в профсоюзе “Солидарность”, в сопротивлении русскому господству. В дополнении к «традиции восстаний, закалённой в невзгодах оккупаций», «цемент католицизма», – пишет он, – «уберег нацию от ассимиляции в течение примерно 120 лет российской оккупации».

За крахом ложного социализма последовало возвращение независимости, и в 1990-е годы Польша под руководством министра иностранных дел Кшиштофа Скубишевского проводила внешнюю политику, вдохновлённую “Доктриной Гедройца”, которую Бюлер характеризует как «разрыв с национализмом». Эта доктрина, названная по имени польского интеллектуала Ежи Гедройца, который основал во французской эмиграции журнал *Kultura*, требовала от Польши признать территориальный статус-кво, сложившийся после 1945 года, и считать Украину, Литву и Белоруссию странами, равными ей. Гедройц считал необходимым отказаться от мифа «ягеллонской» Польши и довоенной модели политики независимости. Бюлер признаёт также усилия папы Кароля Войтылы в приближение Польши к Европейскому

союзу. При этом он предполагает, что сам Папа видел в Польше миссионером по “переевангелизации” Старого Света, и утверждает, что «культурная контрреволюция», задуманная ПиС, «черпает вдохновение в доктринальном наследии Иоанна Павла II, сформированном как альтернатива “цивилизации смерти”, которую тот неустанно обличал в Западной Европе». Ирония истории состоит в том, что Католическая церковь, неустанно пытавшаяся привязать Польшу к Евросоюзу, столкнулась с ситуацией, когда польское духовенство «открыто поддержало» политику ПиС – вразрез с евро-ватиканской линией Рима.

В момент, когда американские гарантии безопасности стали как никогда неопределёнными, польская буржуазия – некогда поддерживавшая войну в Ираке в 2003 году и тем самым способствовавшая расколу Европы – вынуждена искать баланс между атлантизмом, национализмом и европеизмом. Этот поиск равновесия будет определяющим как для электорального успеха, так и для трансформации трансатлантических отношений, которая сопровождается попыткой укрепить европейский империализм. Непростое испытание.

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

1 – Австро-Венгрия была образована в 1867 году. Австрийская империя – в 1804 году. До этого существовали разрозненные территории Габсбургской империи.

Стеклов Ю.М.

Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова “Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала” (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Хроники Шёлкового пути

Пекин оценивает американскую нестабильность

Чжэн Юнъянь, политолог и официальный эксперт из Университета Шэньчжэнь-Гонконг и фигура, приближенная к Политбюро, размышляет о непредвиденных последствиях американского удара по Ирану. В качестве аналитической рамки он использует идею эрозии системы, установленной Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Однако катализатором кризиса он считает превращение США из гаранта ядерной безопасности в «деструктивный» фактор глобального порядка. По мнению Чжэна, «нетрудно предсказать, что атака Соединённых Штатов на три иранских ядерных объекта неизбежно приведёт к новой волне ядерного распространения по всему миру».

ДНЯО закреплял за пятью державами – США, СССР, Китаем, Францией и Великобританией – статус «законных» обладателей ядерного оружия. Исключение составляют четыре страны, не подписавшие договор: Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея. Здесь мы подходим к нашему определению реальной природы ДНЯО как выражения борьбы между державами – в большей степени, чем просто «буквы» договора. Чжэн рассматривает динамику распространения с точки зрения утвердившихся в ядерном статусе держав: «Их геополитические конфликты создавали “законное” обоснование для экспорта технологий под прикрытием. Например, чтобы поддержать Дели в противостоянии с Пекином, Соединённые Штаты США передавали Индии ядерные технологии по различным каналам». Таким образом, речь шла о своего рода распространении «под прикрытием», санкционированном великими державами в контексте их соперничества. К этому добавилась, пишет Чжэн, практика «войн по доверенности между обладающими [ядерным оружием] державами» и «между страной, обладающей [оружием], и не обладающей, то есть конвенциональной войны с ядерной угрозой», такой как между Россией и Украиной. Подобные войны, наряду с ударом по Ирану, вызывают множество «переосмыслений» в мировых столицах и фактически вновь ставят вопрос распространения на повестку дня.

Ядерный ящик Пандоры

Кризис ядерной архитектуры напрямую связан с кризисом послевоенного порядка, который был вызван стратегическим разворотом ведущей державы, поскольку «даже предоставление американского ядерного зонтика было важной частью этого порядка». Зонтик, заметим, был частью реального ДНЯО, но теперь именно Вашингтон ставит его под сомнение. Чжэн ссылается на выступление вице-президента Дж. Д. Вэнса в Военно-морской академии в Аннаполисе, Мэриленд, как на систематическое изложение «доктрины Трампа». Утверждается, что Соединённые Штаты будут более осторожны в использовании военной силы в будущем, чтобы избежать вовлечения в бесконечные войны, и Вашингтон вернётся к реалистичной стратегии, основанной на ключевых интересах в строгом смысле. Вэнс критикует предыдущие администрации, но, как подчёркивает Чжэн, также признаёт, что «эра безраздельного господства Соединённых Штатов закончилась»: Америка не обратила внимания и не подготовилась к появлению крупных равных конкурентов, однако сегодня

вооружённые силы должны принять эту реальность. США следует переключить внимание на внутренний рынок, особенно для сохранения технологического превосходства, и если уж будут противостоять внешним угрозам, то «с дисциплиной», вступая в войну «с очень чёткими целями» и только тогда, когда это необходимо, нанося удары «мощно и решительно», чтобы «затем немедленно отозвать войска». «Так называемая доктрина Трампа, – уточняет Вэнс в другом выступлении, – на самом деле очень проста». Чжэн делает вывод, что суть этой трансформации – в «её деструктивности»: она проявляется и в форме угрозы применения силы со стороны первой ядерной державы «в любое время и в любом месте», и в форме сомнений в надёжности американского зонтика, который теперь подвержен ограничительному пересмотру интересов. Результатом становится запуск двойной динамики распространения. С одной стороны, «всем странам мира придётся пересмотреть вопрос о том, необходимо ли обладание ядерным оружием для выживания»; с другой, союзникам «придётся решить, разрабатывать ли ядерное [оружие] самостоятельно». И это «всерьёз обсуждается в [...] Южной Корее, Японии, Польше, Германии и Турции».

«Великое противостояние» Ван Вэня

Доводы Чжэна вписываются в более широкий китайский дискурс об угрозах, связанных с американским упадком, внутренне нестабильном из-за переплетения сил и слабостей сверхдержавы. Ранее Чжан Вэйвэй из Шанхайского университета Фудань уже предупреждал о его «деструктивности».

Наводит на размышления эссе Ван Вэня из Института Чунъянь, девиз которого – «широкие горизонты и целостный взгляд». В ней проводится линия на уверенное, стратегически просчитанное восхождение Китая.

Ван возвращается к дебатам о «великом противостоянии», начатым в 2023 году Цзинь Цаньжуном из Пекинского университета Жэньминь. В них отмечалась эпохальная трансформация, связанная с восхождением азиатских гигантов, чуждых западному порядку, и ускорение изменений в балансе сил, вызванное самим Китаем.

Великое противостояние для Вана отмечено серией локальных войн, от Киева до Среднего Востока, от Африки до Бирмы; глобальные военные расходы растут «стремительно»; но именно нестабильность американского упадка служит ускорителем процесса. Соединённые Штаты превратились из гарантов в нарушителей мирового порядка, фактически делая ставку на интервенционизм в региональных конфликтах, чтобы поддержать остатки своей «гегемонии», или по крайней мере, сохранять относительное преимущество в балансе.

Невозможность оставаться в тени

В эту «новую эру великого противостояния», по мнению Вана, Дракон больше не может «оставаться в тени»: он вынужден «придерживаться базовой установки на дистанцирование от конфликтов», но также должен искать «возможности, скрытые среди рисков» нового этапа. С Соединёнными Штатами имеет место постепенное соперничество, где «достижение устойчивых выгод через завоевание “друзей” и снижение потерь путём сокращения числа “врагов”» напоминает

китайскую игру го. В «торговых, технологических, идеологических и финансовых битвах» с США Пекин должен стоять на своём, не позволяя себя запугать – это важно как для «задания темпа» конкуренции, так и для отношений с другими державами. Китай должен «избегать вовлечения в чрезмерное количество альянсов, но также не допускать излишнего дистанцирования от какой-либо страны», включая США, с которыми он, тем не менее, выступает за «всестороннее сотрудничество». Шёлковый путь «возвращает» зарубежные рынки и внешние связи. Дракон должен уметь сдерживать противников, в том числе и военным способом, но также должен «использовать многосторонность».

Ван разрабатывает тактику «превентивной дипломатии» как альтернативу американской превентивной войне. Речь идёт о расширении каналов с «различными местными вооружёнными силами», чтобы иметь преимущество при возникновении непредвиденных кризисов; вспомним отношения с хуситами Йемена, которые в 2023 году позволили пройти китайским кораблям через Красное море.

Избирательная проекция и недисциплинированное отступление

Китайская тактика стремится скорее проникнуть в существующий порядок, чем опрокинуть его – или, по крайней мере, сделать это не сразу. Китай придерживается курса «умеренной подготовки к войне», с достаточной интенсивностью перевооружения, но при этом пропорционально масштабу страны и «расширению китайских интересов за рубежом». Умеренность здесь выражается в ограничении военной проекции «в основном» торговыми и энергетическими маршрутами, жизненно важными для экономики азиатского капиталистического гиганта.

В статье Чжоу Бо, бывшего военного, ныне работающего в Центре международной безопасности и стратегии при Цинхуа (CISS), также говорится о том, что главный источник глобальной напряжённости – это американский упадок. Чжоу иронизирует, что чрезмерно самоуверенная Америка опасна, но Америка, утратившая уверенность, может оказаться ещё опаснее. В «Should the world fear China?» («Должен ли мир бояться Китая?», 2025) бывший полковник бросает вызов: «американский упадок должен быть таким же мирным», как и китайское возвышение.

Даже в этой интерпретации военная проекция Дракона «ограничена» защитой внешнеэкономических интересов: «7 триллионов долларов зарубежных активов» невозможно защитить силой полностью, но военное присутствие всё равно «помогает». У Китая всё ещё недостаточно военных возможностей; его международное вовлечение будет вследствие этого «избирательным», но «нарастающим» и, следовательно, «необратимым». Такой взвешенный подход восходящей державы, по сути, становится зеркальным отражением поведения державы, находящейся в упадке, которую вынуждают к большей дисциплине при проведении зарубежных операций, чтобы избежать затягивания в конфликты – в соответствии с доктриной Трампа, изложенной Вэнсом. Конкуренция с Китаем, предупреждает Чжоу, будет гораздо дольше войны в Афганистане, которую Трамп счита-

ет «forever war», вечной войной. В этих словах ощущается уверенность державы-претендента, считающей, что время работает на неё. И всё же, как Ван, так и Чжоу проявляют осторожность.

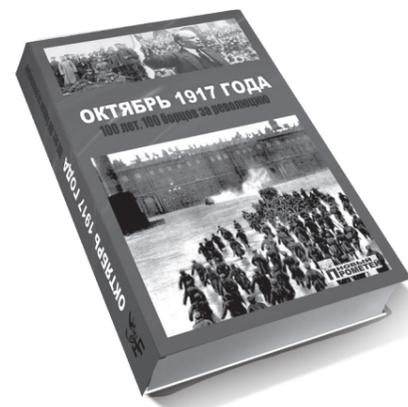
Выученная и вооружённая умеренность

Китаю не следует «заполнять пустоты», оставленные США, поскольку они становятся «ловушками», особенно на Среднем Востоке. Именно из-за растущего глобального экономического влияния Дракону больше не нужны «сферы влияния», дорогие и трудные в содержании. Ван ограничивается упоминанием военного сотрудничества вдоль Шёлкового пути. Чжоу Бо точнее описывает пересмотр оборонной политики Пекина за последние годы, которая теперь допускает размещение войск и баз за рубежом, а также проведение совместных учений с другими странами. При этом сохраняется тактика избирательной военной проекции, направленная на максимально долгое уклонение от прямого столкновения с США – учитывая всё ещё значительный разрыв в силе, становящийся особенно заметным, когда речь заходит о «глубоких водах» великого противостояния.

По мнению полковника Чжоу Бо, Китай будет доминировать в западной части Тихого океана. Согласно аналитику Ван Вэню, Китай продвинулся в «региональных исследованиях» – отражение «глобального сознания восходящей державы». Это поле соперничества, на котором Пекин охотно бросает вызов американским количественным моделям, но также изучает наследие долгого европейского колониального опыта. Этого недостаточно, чтобы завоевать мир, но всё же полезно. Фактически, Пекин перевооружается на многих фронтах в противостоянии с Вашингтоном.

Белая книга по «Национальной безопасности в “новую эру”» утверждает, что «развитие и безопасность подобны двум крыльям одного тела» и подчёркивает гарантии промышленных цепочек поставок в случае войны. Именно качество и количество промышленного производства в экономике характеризуют процесс перевооружения.

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Хроники нового американского национализма

Безрассудная игра вокруг мигрантов в Калифорнии

Тарифы, введённые президентом Дональдом Трампом против союзников, партнёров и противников США, открыли этап переговоров с затронутыми странами и спровоцировали внутреннюю реакцию в ключевых штатах. Юридическое сопротивление почти всех регионов США становится испытанием способности штатов, судов и Конгресса влиять на торговую политику и расширение полномочий исполнительной власти. На фоне противоречивых судебных решений тарифы снова вступили в силу, «оставив Вашингтон, Уолл-Стрит и большую часть мира», как сетует *New York Times*, «в попытках разглядеть будущее американской торговой политики».

В Калифорнии конфликт с федеральным правительством расширился до вопросов миграционной политики и использования военной силы на территории штата. Политическая, экономическая и властная борьба переплетается с электоральной составляющей.

Политический истеблишмент по-прежнему критично или с недоверием относится к внешнеполитическому курсу Трампа и сурово оценивает итоги его торговых переговоров. Тем не менее, некоторые начинают признавать – или хотя бы допускать – обоснованность его целей и методов. За десять лет «Трамп смог определить свою эпоху в большей степени, чем любой президент, кроме Франклина Д. Рузвельта и Рональда Рейгана, даже не приблизившись к их уровню народной поддержки», пишет Питер Бейкер из *New York Times*. «Каким-то образом он превратил поддержку меньшинства американцев в самую значительную политическую силу современности, переписав правила игры» и «опровергнув общепринятую мудрость о том, что оптимизм – ключ к успеху. Он голос не столько американского величия, сколько американского недовольства, и этот голос находит отклик у многих избирателей».

Секрет Полишинеля

Калифорния продолжает юридическое сопротивление тарифам и отстаивает свои права перед федеральным правительством даже в таком чувствительном вопросе, как миграционная политика.

В июне в Лос-Анджелесе прошли акции протеста против задержаний нелегальных мигрантов агентами Иммиграционной и таможенной полиции США (ICE). Протесты вспыхнули после рейдов ICE в районе швейных мастерских и на стоянке у магазина Home Depot, где мигранты предлагают свои услуги в качестве поденщиков. Трамп приказал Национальной гвардии, подчиняющейся губернатору, защищать агентов ICE и мобилизовал морских пехотинцев.

На фоне нарастающих беспорядков губернатор Гэвин Ньюсом обвинил Трампа в провоцировании конфликта и злоупотреблении федеральными полномочиями в ущерб правам штата. Конфликт повысил узнаваемость Ньюсома, демократа с национальными амбициями, особенно после того, как в двух тысячах городов страны прошли акции под лозунгом «No Kings» («Никаких королей»).

Wall Street Journal осуждает «перегибы» Трампа и «жестокость» депортаций, но признаёт, что акцент на миграционной политике в связке с вопросами

безопасности укрепляет позиции любого политика. Хотя мэр Карен Басс ввела комендантский час, Трамп уверен, что демократы не откажутся от прогрессивной повестки.

Ньюсом «делает ставку» на то, что жёсткие действия президента оттолкнут часть избирателей, и Сакраменто подал в суд на федеральное правительство за превышение полномочий. Федеральный судья в Сан-Франциско временно приостановил мобилизацию Национальной гвардии, но вышестоящий суд – Федеральный апелляционный суд девятого округа – отменил это решение. Через несколько дней Трамп смягчил правила ICE для сельского хозяйства, ресторанов, рыболовства и мясопереработки. На это повлияло давление министра сельского хозяйства Брук Роллинса, а также крупных спонсоров и республиканцев, выразивших опасения бизнеса: компании и целые отрасли могут остановиться, если мигранты не выйдут на работу из-за страха ареста.

Как и во время пандемии, этот эпизод обнажает социальный компромисс гигантских масштабов, на котором держится американская экономика, зависящая от почти 50 миллионов иммигрантов, включая 11 миллионов нелегалов, четверть из которых сосредоточена в Калифорнии. В «городах-убежищах» сотрудничество с федеральными миграционными органами ограничено, а в Калифорнии, по данным *Washington Post*, нелегалы получают водительские права, медицинскую помощь, доступ к образованию и некоторым пособиям. «Даже нелегальные мигранты», поясняет *Journal*, «имеют какие-то документы о проживании» и восполняют «нехватку рабочей силы», сдерживающую бизнес.

Ни один штат – будь он демократический, республиканский или *Sanctuary states*¹ – не может обойтись без мигрантов. Но миграция становится громом для тревог избирателей, обеспокоенных кризисом порядка. И в поиске электоральной поддержки политики чаще следуют этой логике, а не логике интересов.

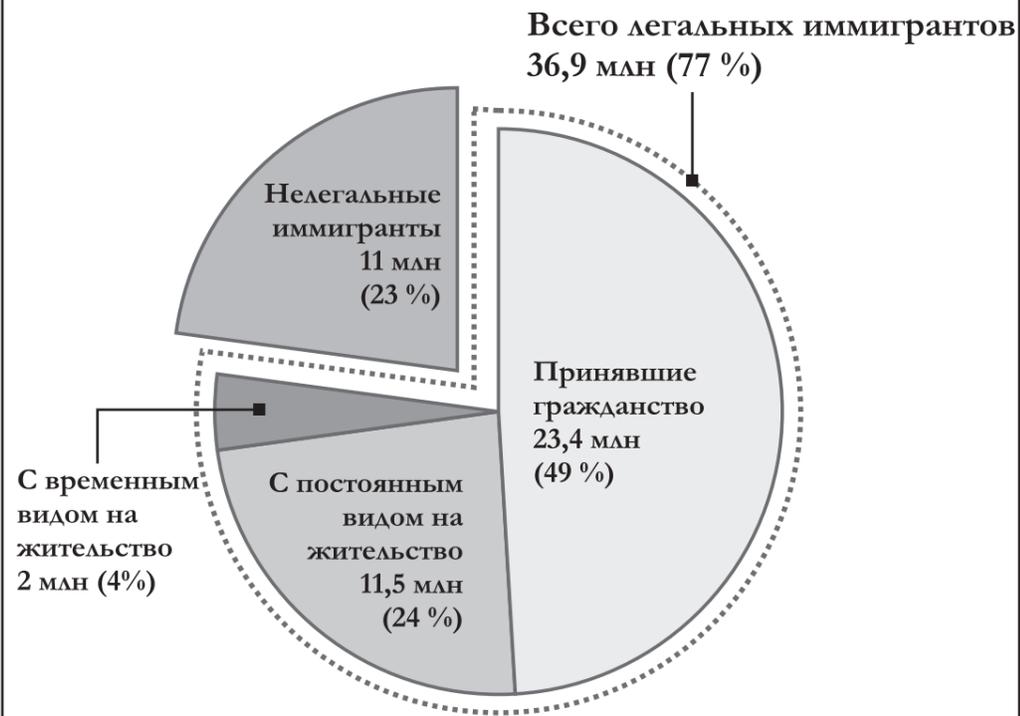
Идеализм и реализм MAGA

В калифорнийском конфликте Трампу пришлось отступить – слишком велико присутствие мигрантов в ключевых отраслях. Однако неизменной осталась тактика запугивания, направленная на значительную часть рабочих.

Помимо риторики о безопасности и законе и порядке, предназначенной для внутреннего потребления, стоит отметить, что действия *пожарных-пироманов* вокруг страхов перед миграцией под видом защиты западной идентичности стали инструментом международной политики.

Внешнеполитический курс Вашингтона эволюционирует. Как и в 2017 году, Трамп выбрал Средний Восток для своего первого зарубежного визита. *Journal* усмотрел «доктрину Трампа» в речи президента в Эр-Рияде, где он говорил с Саудовской Аравией на языке интере-

НАСЕЛЕНИЕ США, РОДИВШЕЕСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Источник: PEW Research Center, данные за 2022 год.

сов и бизнеса, избегая поучений о демократии. Трудно разглядеть доктрину в череде шагов, которые Трамп намеренно делает непредсказуемыми. Что касается переговоров с Тегераном, они сорвались после бомбардировок иранских ядерных объектов.

В Азии министр обороны Пит Хегсет на конференции Shangri-La Dialogue отстаивал реалистический подход, призывая партнёров ускорить оборонные усилия ввиду «неминуемой» китайской угрозы Тайваню.

В феврале госсекретарь Марко Рубио на переговорах с российским коллегой Сергеем Лавровым по Украине заявил о «невероятных возможностях для сотрудничества с русскими» в бизнесе. В том же месяце вице-президент Дж. Д. Вэнс резко атаковал Брюссель на Конференции по безопасности в Мюнхене, используя язык идеализма: «Меня беспокоит угроза изнутри – отход Европы от некоторых фундаментальных ценностей, общих с США».

Слова Вэнса были процитированы на сайте Госдепа в публикации «Потребность в цивилизационных союзниках в Европе», где выражается сожаление по поводу отсутствия в Европе союзников США по ключевому узлу вопросов, касающихся «цивилизации». Документ несёт печать американской исключительности и католического консерватизма – взглядов, которые разделяют трое связанных с ним чиновников. Сэмюэль Сэмсон, 26-летний автор публикации, называет себя «гордым толмистом» и до работы под руководством Рубио в Бюро по демократии, правам человека и труду сотрудничал с консервативной группой American Moment, поддерживаемой Вэнсом. В документе утверждается, что США «остаются привержены прочному партнёрству с Европой и совместной работе над общими целями», но это партнёрство «должно основываться на нашем общем наследии, а не на глоба-

листском конформизме». Напротив, ЕС и Великобритания, с их «подавлением свободы слова, поощрением массовой миграции, контролем над религиозными свободами [и] избирательными процессами», подрывают основы НАТО.

Венгрия, «христианская нация», была «несправедливо названа» Брюсселем авторитарной, в то время как Великобритания ограничивает выражение религиозных чувств у клиник, где делают аборт, Франция преследует Марин Ле Пен, а Германия – АдГ.

Le Monde отмечает, что на выборах в Польше и Румынии эмиссары MAGA поддержали кандидатов, выступающих против «глобалистов из Брюсселя». Политика американских консервативных ценностей, кажется, проникает в трещину между старой Европой Рейнского союза и новой Восточной Европой. По мнению *Washington Post*, «стоит напомнить» тем, кто считает, что Трамп избирателен и неискренен в апелляции к ценностям, что американский внешнеполитический идеализм со времён Вудро Вильсона «всегда был избирательным, а его искренность – под вопросом».

В Европе дозированная демагогия на тему безопасности и ксенофобии стала общей для всех течений, маскируя политику отбора и конкуренции за мигрантов. Но в ближайшее время вмешательство США в дела ЕС будет выражаться в поддержке националистических и основанных на идентичности движений, способных блокировать европейскую интеграцию. Не случайно Россия Владимира Путина часто использовала ту же тактику.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – Штаты-убежища – штаты, препятствующую большинству форм сотрудничества с федеральными иммиграционными службами.

Демографические и миграционные тенденции

Слон обгоняет
Дракона

В наши всё более беспокойные времена набирают обороты основные мировые демографические события. После новостей о переписи населения 2020 года в Китае, которая показала резкое снижение темпов роста, пришло сообщение, что численность китайского населения достигла своего пика в 2021 году и начала снижаться в 2022-м. Затем, в апреле 2023 года, пришла новость о том, что Индия совершила «демографический обгон» Китая.

В этой череде событий нет ничего удивительного: всё происходящее давно и многократно прогнозировалось. В частности, предсказывалось и то, что Индия «обгонит» Китай. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам (UN-DESA) в своей аналитической записке № 153 от 24 апреля 2023 года сообщал, что «Индия обогнала Китай как самая густонаселённая страна мира» (1,429 млрд против 1,426 млрд человек). Это означает, что прогноз, который всего годом ранее ООН давала на 2027 год для варианта со *средней рождаемостью*, оказался сдвинут на целых 4 года. При этом другие центры демографических исследований утверждают, что обгон произошёл ещё раньше. Но это, хоть и примечательный, но, конечно, не самый важный аспект проблемы.

По-настоящему новое

Действительно, гораздо более важны абсолютные размеры, достигнутые этими демографическими феноменами, незаметно созревшими последние десятилетия в рамках закона народонаселения империалистической зрелости и теперь с силой выходящими на поверхность.

Этот закон проявился и в двух демографических сверхдержавах – Китае и Индии. Масштабы этого выхода на поверхность измеряются миллиардами людей, а не миллионами или десятками миллионов, как это было до сих пор в других странах, и два государства, которые стали второй и пятой экономическими державами в мире соответственно, остаются первыми двумя демографическими державами, лишь обмениваясь первыми местами в рейтинге.

В течение очень долгого времени Слон и Дракон вместе взятые составляли более трети населения Земли. Этого достаточно, чтобы осознать глобальную значимость описываемых событий. Теперь же в этих двух демографических сверхдержавах уровень рождаемости ниже коэффициента воспроизводства населения. Если верить данным ООН, то в Китае рождаемость составляет около 1,2 ребёнка на женщину и находится ниже уровня воспроизводства населения уже более 30 лет; в Индии рождаемость составляет около 2,0 и опустилась до нижней границы воспроизводства лишь в 2022 году, т. е. примерно через 30 лет после Китая. Следует также отметить, что порог воспроизводства населения в этих двух странах, особенно в Индии, вероятно, выше, чем в промышленно развитых странах (2,1 ребёнка на женщину), что обусловлено различными причинами: ещё только предстоит чётко определить количество женщин, действительно находящихся в детородном возрасте; значительный вес имеет гендерный дисбаланс. Последний является наследием старых культур, а также катастрофической и кровавой антинационалистской политики, проводившейся в разное время и разными способами правительствами двух стран.

По каким бы меркам ни оценивать демографическое будущее Слона и Дракона, оно уже сейчас выглядит достаточно опреде-

лённым. Можно сказать, что в третьем десятилетии этого века два азиатских гиганта вступают в новую фазу, которая будет отличаться от предыдущей. Добавим к этому новость об очередном обгоне: в 2021 году (данные Всемирного банка по ВВП в текущих долларах) Индия обогнала Великобританию и стала пятой по величине экономикой мира, уступая лишь США, Китаю, Японии и Германии. Через 75 лет после обретения независимости бывшая колония обогнала свою бывшую колониальную державу. Таковы два обгона за два года, которые совершил Слон. Однако не стоит забывать, что соотношение экономической мощи Индии и Китая, если судить по ВВП, сейчас составляет примерно один к пяти.

Глубокие различия

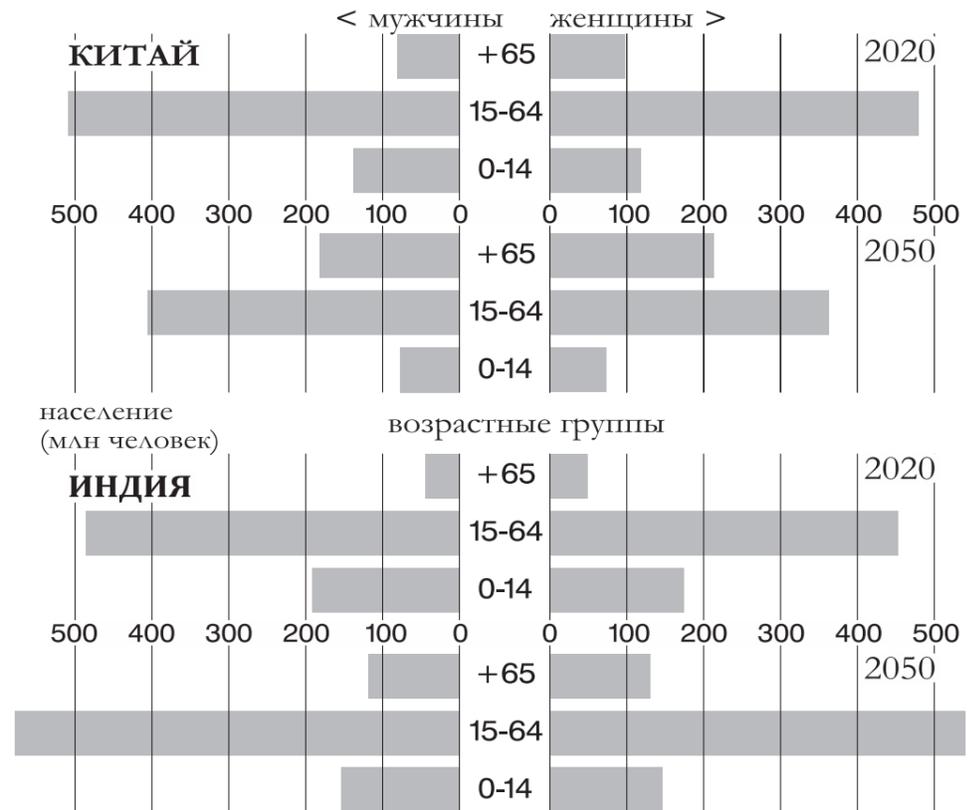
Обращает на себя внимание одно наблюдение: задержку Индии по сравнению с Китаем можно оценить примерно в 30 лет. Если рассматривать только демографические аспекты, то цифры, какими бы приблизительными они ни были для двух стран, подтверждают это.

В настоящее время Китай переходит в фазу сокращения общей численности населения. При этом численность населения трудоспособного возраста в Китае сокращается уже почти 10 лет, и эта тенденция только усилится к концу 2020-х годов, в то время как сокращение численности молодёжи и увеличение численности пожилых людей неумолимо продолжаются. Внутренняя миграция, которой были отмечены последние десятилетия, сходит на нет. Правда, как утверждают в Пекине, по сравнению с Дели важно не только количество, но и качество: уровень образования китайской рабочей силы действительно резко вырос, и образование современной молодёжи несопоставимо с поколением их родителей. Однако уже в 2040 году численность населения трудоспособного возраста сократится примерно на 120 млн по сравнению с сегодняшним уровнем. В Пекине начинают говорить об иммиграции, обращая пока к многочисленной китайской общине по всему миру. Но чтобы заполнить этот пробел, потребуется гораздо больше. *The Economist* пишет: «Китаю нужны иностранные рабочие. Так почему же он не принимает иммиграцию?».

В Индии в текущем десятилетии численность населения трудоспособного возраста будет увеличиваться на 10 млн человек в год. В следующем десятилетии рост сократится вдвое – до 5 млн человек в год, и остановится к середине столетия. Но уже сегодня численность молодых людей сокращается, а число стариков растёт. Таким образом, в ближайшие два, может быть, три десятилетия для Индии открывается окно возможностей, когда потенциально активное молодое население будет доступно в больших количествах, не будучи обременённым непропорционально большим количеством пожилых людей. *The Wall Street Journal* отмечает в этой связи: «Ещё недавно образованные индийцы в основном считали растущее население страны пассивом, а не активом. Но теперь многие утверждают, что молодое население Индии даёт ей преимущество перед Китаем, которое сохранится в течение десятилетий. Население Китая уже начало сокращаться».

Комментарии международной прессы

Как и новость о сокращении численности населения Китая, сообщение о том, что Индия обогнала Китай, вызвало мно-

Самым очевидным различием между Индией и Китаем является возрастной профиль населения и его прогнозируемая динамика. В 2020 году численность населения трудоспособного возраста (15–64 года) в этих двух странах была примерно одинаковой: 990 млн человек для Китая и 940 млн человек для Индии. Однако в Индии насчитывалось 370 млн молодых людей (0–14 лет) по сравнению с 260 млн в Китае, а в Китае было вдвое больше пожилых людей в возрасте 65 лет и старше. К 2050 году (прогноз ООН по среднему варианту рождаемости) в Индии будет проживать 1,1 млрд человек трудоспособного возраста против 770 млн в Китае, или на 330 млн человек больше; хотя в абсолютных цифрах численность молодёжи в Индии (300 млн человек) уменьшится, но она всё равно будет вдвое больше по сравнению с численностью молодёжи в Китае. При этом численность пожилых людей в обеих странах увеличится более чем в два раза, но в Китае их будет на 50 % больше, чем в Индии, при прогнозируемой численности населения в Китае 1,31 млрд человек против 1,67 млрд человек в Индии.

Источник: ООН, Population Division, 2023

КИТАЙСКАЯ И ИНДИЙСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Демографы давно спорят о степени достоверности китайской демографической статистики, хотя за последние десятилетия ситуация значительно улучшилась, в том числе и потому, что вторая империалистическая держава мира не может обойтись без достаточно правдоподобных цифр, так как они необходимы для экономики и функционирования государственного аппарата. Индия же сильно отстаёт в этом отношении, в том числе и потому, что перепись 2021 года была перенесена на 2024 год из-за COVID-19. Возможно, отсрочка объясняется и другими причинами: Индия, как и США, является федеративным государством, и демографические данные, которые здесь, как и везде, являются «политической цифрой», также используются в борьбе между штатами и федеральным правительством, при распределении мест в парламенте и для других целей.

Соответственно, сегодняшние данные по Индии основаны на обновлённых оценках и прогнозах, которые в той или иной мере опираются на перепись 2011 года. Прошлая история также имеет значение: закону, обязывающему регистрировать рождения и смерти в течение 21 дня, уже около 50 лет («Registration of Birth and Death Act», 1969). По оценкам Кришны Кумара и Нандиты Сайки из International Institute for Population Sciences («N-IUSSP», 17 апреля), даже сегодня только 83 % смертей регистрируется в городах и 66 % в сельской местности, причём очень велика разница между более развитыми южными штатами (Керала и Тамилнад – почти 100 %) и северными штатами, всё ещё находящимися в стадии развития (Бихар и Уттар-Прадеш – около 40 %). Кроме того, смертность женщин регистрируется в меньшем объёме по сравнению со смертностью мужчин. Многовековая история и культура Индии по-прежнему оказывают существенное влияние на демографическую ситуацию в этой формирующейся азиатской империалистической державе.

гочисленные комментарии в международной прессе. Вот некоторые из них.

Пекинская *Global Times* пишет: «Китаю и Индии нет смысла соревноваться в рейтинге численности населения. Больше внимания следует уделять вопросу о том, является ли численность населения более полезной для экономического и социального развития страны и мира».

И далее: «Индия должна найти способ извлечь выгоду из своего нового положения. Вместо того чтобы отвлекаться на обманчивую западную пропаганду и слишком много внимания уделять противостоянию Китая и Индии, обеим странам следует больше внимания уделять решению проблем внутри стран. Им необходимо развивать собственную экономику и улучшать условия жизни людей».

Business Standard из Нью-Дели утверждает, что «будет ли молодое население дивидендом или бременем, зависит от того, как мы будем управлять нашей экономической системой». Газета *Times of India* приводит следующее наблюдение: «Психологически это будет тяжело для Китая, особенно учитывая соперничество между двумя

странами. [...] Это важный момент в истории человечества, когда эстафета переходит к Индии».

Нью-Йоркская *Wall Street Journal* пишет: «В условиях, когда Запад всё более настороженно относится к Китаю, а [китайские] демографические дивиденды иссякают, Индия стоит на распутье. Она либо использует свои огромные человеческие ресурсы, чтобы стать сверхдержавой, привлекая при этом огромные инвестиции, либо упустит момент и погубит свой потенциал».

Лондонская *Financial Times* сообщает, что «этот переход рассматривается как момент символической важности, поскольку Индия стремится занять место в клубе мировых держав и пытается перетянуть на свою сторону часть рабочих мест в обрабатывающей промышленности, которые традиционно доставались Китаю».

В будущем демографический фактор будет играть решающую роль – как в хрупком балансе сил в Юго-Восточной Азии, так и в глобальном масштабе.

Раскол Интернационала в Испании

Резкий поворот, который Маркс и Энгельс задали I Интернационалу (Международному товариществу рабочих, МТР) на Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), послужил толчком к тому, что Пьер Карло Мазини определил как «антиавторитарное восстание местных федераций». Восстание возглавили швейцарские бакунисты из Юрской Федерации, которые на конгрессе в Сонвилле (12 ноября 1871 г.) осудили «диктаторские замашки» Маркса и начали двойную атаку: 1) во имя отказа от политической борьбы они обвинили Генеральный совет, находившийся под контролем Маркса, в том, что он занимается не социальным вопросом, а большой международной политикой, парламентской борьбой, вопросом Ирландии и т. д.; 2) во имя федерализма они обвинили Генеральный совет в том, что он ввёл в Интернационал «принцип авторитета», и с большим успехом пытались подорвать полномочия совета, используя в том числе аналогичные требования английских тред-юнионистов.

«Антиавторитарное восстание»

Летом 1872 года Испанская и Итальянская Федерация открыто выступили на стороне Бакунина против Генерального совета. В сентябре значительная часть английских профсоюзных деятелей также присоединилась к тому, что они считали «антимарксистской партией», готовившей «раскол» в Интернационале. Следует отметить: даже в Испании среди сторонников «раскола» были как бакунисты, так и аполитичные «последователи чистого синдикализма», но всех их объединяли антиавторитаризм, федерализм и отказ от политической борьбы. В действительности значительная часть испанских последователей Бакунина мало что понимала и знала о внутренних разногласиях внутри МТР. Как пишет Пьер Вилар, «антиполитические, пророческие, анархистские формулы», а чаще всего «простой рабочий и профсоюзный аполитизм» легче всего смогли укорениться среди рабочих и ремесленников небольших каталонских лиг сопротивления. Эта раздвоенность мировоззрения будет сопровождать всю историю CNT (большого испанского анархистского союза) и социалистического UGT.

В сентябре 1872 года в Сент-Имье (Швейцария) состоялся международный конгресс «антиавторитаристов», результатом которого стал окончательный раскол с МТР. Прежде всего был отвергнут лозунг политической борьбы и, следовательно, диктатуры пролетариата: «Уничтожение всякой политической власти есть первая обязанность пролетариата. [...] Любая политическая власть, которая претендует на то, чтобы быть временной и революционной [...], может быть только обманом». По мнению, «антиавторитаристов», если бы пролетариат завоевал политическую власть, он бы, в свою очередь, стал «правлящим классом, классом эксплуататоров». Целью революции, напротив, должно быть «создание абсолютно свободной экономической организации и федералистского режима». Как замечает историк и либертарианский активист Джордж Вудкок, резолюции, принятые конгрессом «антиавторитаристов» в Сент-Имье, были

сформулированы таким спокойным и двусмысленным языком, что они были «приемлемы для антимарксистских групп самого разного рода – от английских профсоюзных деятелей, консерваторов до крайних анархистов». С организационной точки зрения, новый Интернационал, как декларировалось, являлся лишь «дружеским пактом солидарности и взаимной защиты от угрозы централизации». Очевидно, что этот «дружеский пакт» никогда не смог бы заработать, и антиавторитарный Интернационал вскоре распадется.

Но Бакунин и его сторонники не были заинтересованы в том, чтобы новый Интернационал действительно функционировал, поскольку реальной организацией была ультрадиктаторская тайная секта во главе с русскими. Как писал Энгельс: «[Бакунисты] которые требуют от Интернационала, чтобы он строился «снизу вверх», сами как члены Альянса покорно повинуются команде, подаваемой «сверху вниз»¹. Большинство испанских интернационалистов стали лёгкой жертвой «антиавторитарной» демагогии Бакунина.

Рождение испанского «авторитарного» течения

Однако не все испанские интернационалисты последовали за Бакуниным. Энгельс взял на себя роль секретаря Генерального совета МТР в Испании и в этом качестве поддерживал переписку с некоторыми мадридскими лидерами Испанской Федерации. В конце 1871 года Поль Лафарг и его жена Лаура Маркс прибыли в Испанию. Оба были вынуждены покинуть Францию, чтобы избежать ареста после репрессий против коммунаров. Эта вынужденная ссылка позволила Энгельсу получить надёжного корреспондента в Мадриде, разделявшего позиции лондонского Генерального совета.

Основные лидеры интернационалистов испанской столицы, в то время все или почти все ещё являвшиеся членами как МТР, так и Альянса за социалистическую демократию, связывали себя с Лафаргом. Более того, как писал Энгельс, испанские интернационалисты в то время всё ещё считали, что истинный Интернационал и заговорщическая секта Бакунина – это практически одно и то же и что «вступить в неё является чуть ли не долгом каждого»². Величайшее смятение царило в умах испанских интернационалистов.

Однако под влиянием Лафарга мадридская интернационалистская газета *La Emancipación* впервые начала публиковать статьи Энгельса на испанском языке. 27 января 1872 года он опубликовал статью о необходимости создания пролетарской политической партии, целью которой было бы завоевание политической власти. Лозунги Лондонской конференции МТР наконец нашли отклик в испанской рабочей прессе. Вскоре все основные представители мадридской секции МТР (включая Лафарга) были исключены из «антиавторитарно» настроенной Испанской Федерации.

В этот момент мадридские «авторитаристы» во главе с типографами Пабло Иглесиасом Поссе (1850–1925), Франсиско Мора Мендесом (1842–1924) и Хосе Меса-и-Леонпартом (1831–1904) создали новую федерацию МТР в Мадриде. Эта новая организация создала предпо-

сылки для основания Испанской социалистической рабочей партии (ИСПП).

Однако две отдельные души испанского рабочего движения сохраняют много точек соприкосновения. Политическая культура двух течений практически одинакова: ненависть к любой форме политической власти толкает их к федерализму, понятная привычка рассматривать выборы просто как результат мошенничества и коррупции направляет их к полному отказу от политической борьбы в пользу социальной борьбы, которую они считают своей привилегированной территорией. Недоверие к интеллектуалам господствующих классов убеждает их в том, что теория, причём любая теория, скрывает за собой обман.

Критерий «мозолистых рук»

Для всех или почти для всех Маркс оставался буржуазным интеллектуалом, в то время как Пи-и-Маргаль и Прудон представлялись двумя истинными сынами рабочего класса. Доверять же можно было только тем, у кого «мозолистые руки». Но именно вся история Испании и урок бесконечных поражений и неоднократных предательств, пережитых движением испанских угнетаемых классов, почти неизбежно подтолкнули первых пионеров пролетарского движения к аналогичным выводам.

Среди этих общих элементов был один, который будет иметь долгосрочные последствия, – это отсутствие интереса к теории, настолько, что приверженность «авторитаристов» марксизму останется, прежде всего, флагом, которым они будут размахивать против своих соперников. С другой стороны, отсутствие интереса к теории всегда будет оставаться довольно избирательным, касаясь Маркса больше, чем других социалистических и социалистически настроенных авторов, которые, очевидно, лучше отвечали интересам федералистской и либертарианской демократическо-республиканской политической культуры, то есть контекста, в котором формировались все пионеры движения нашего класса в Испании. Таким образом, теоретический марксизм никогда не был предметом особого интереса испанских «марксистов». Достаточно сказать, что до 1886 года в Испании были переведены и опубликованы только «Манифест Коммунистической партии» и «Нищета философии». Однако судьба произведений Прудона оказалась гораздо более счастливой. Вудкок вспоминает, что уже в 1870 году благодаря Пи-и-Маргалью «достаточно произведений Прудона были доступны на испанском языке, чтобы представлять собой эффективное введение в наиболее существенные аспекты его мысли». И именно в трудах Пи-и-Маргалья и Прудона обнаруживаются корни испанского социализма и анархизма.

Учитывая эти предпосылки, легко понять, что «авторитаристы» считались «марксистами» только потому, что они поддерживали Генеральный совет (который тогда переехал в Нью-Йорк), но они мало знали или вообще ничего не знали о Марксе и его трудах.

Короче говоря, взгляд «авторитаристов» на политику, по сути, оставался на уровне чуть выше профсоюзного рабочего движения, настороженно относившегося к интеллектуалам как к

проводникам буржуазной идеологии. Конечно, на том первоначальном, новаторском этапе испанской партии недостаток информации и книг можно понять, но проблема в том, что с рождением ИСПП ситуация не сильно улучшится. Задержка в борьбе на теоретическом фронте будет продолжаться и останется характерной чертой испанского марксизма далеко за пределами рубежа XIX и XX столетий.

Точно так же, как и тот факт, что «антиавторитаристы» не знали о марксизме ничего, кроме того, что это «прусская» доктрина, возникшая в стране, находящейся в тысяче миль от той экономической и социальной борьбы, которая, по их мнению, должна быть единственным интересом трудящихся.

Симптоматично в этом отношении мнение бакуниста Рафаэля Парги Пеллисера: «Многие выдающиеся люди занимались социальными проблемами в течение многих лет, но в своих исследованиях [...] они ограничивались рассмотрением авторитарного коммунизма [...]. Рабочие, объединённые в Международное Товарищество, вновь подняли социальный вопрос, понимая, что дело освобождения не продвигается вперёд только потому, что эти исследования являются прерогативой мудрых волшебников [...]. Именно по этой причине, граждане, многие выдающиеся люди, занимавшиеся социальными вопросами, стали чуждыми великому идеальному развитию интернационального общества; вчера считавшиеся революционерами, они перешли к доктриналству. [...] Эти люди, буржуа, следовали законом своего класса. Средний класс вчера был революционер, но сегодня он консервативен. Его дни сочтены».

Недоверие к теории и интеллектуалам останется одной из характерных черт двух отдельных течений испанского рабочего движения.

Lotta comunista, март 2025 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 18. С. 111.

2 – Там же. С. 112.

Ренато Пасторино
Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Хроники нового американского национализма

Калифорния и Восточное побережье в оппозиции

Первые 100 дней Дональда Трампа в Овальном кабинете стали поводом для подведения итогов. Газеты истеблишмента Восточного побережья считают, что внешняя и торговая политика администрации не отвечает интересам Вашингтона и требует коренных изменений.

В частности, появилась «неожиданная противодействующая сила» – гласит заголовок редакционной статьи в *Les Echos*, ведущей деловой газете Франции. По словам заместителя редактора Доминика Сё, «сюрпризом первых 100 дней» стало то, что *The Wall Street Journal (WSJ)*, «консервативная газета, близкая к Республиканской партии и принадлежащая миллиардеру Руперту Мердоку, стала одним из самых решительных противников экономической политики Трампа. Кто бы мог подумать, что это возможно? Честно говоря, не многие. С 20 января WSJ занимает в медианпространстве США особое и полезное место».

Отчет The Wall Street Journal

WSJ признаёт, что Трамп добился «некоторого успеха» в культурных баталиях и внутренней дерегуляции. Производство энергии «идёт хорошо», а «миграционный кризис закончился» (29.04.2025). Скорее «удивительно», что Трамп не спешит приписывать себе победу на границе. Он мог бы использовать полученный «политический капитал» для решения проблемы «нелегальной миграции» с помощью реформы, которая предусматривала бы «больше путей для легальной иммиграции». Как для малого бизнеса, так и для крупной промышленности «одной из [самых] больших проблем» является поиск работников, от сборщиков фруктов и овощей до инженеров, которые должны выиграть «лотерею» на визы для пересечения границы (17.04.2025).

Что касается сокращений в правительстве, WSJ поддерживал DOGE Илона Маска, но теперь считает его «слишком сумбурным» и отмечает, что «неясно, чего удалось достичь». Помимо экономии на «лёгких целях», государственный аппарат «продолжает разрастаться».

Оценка фискальной и бюджетной политики пока отложена. Есть предложения по реформе бюджета, но Белый дом должен продвигать их через Конгресс. Внешняя политика находится в стадии «разработки». Позиция Европы по отношению к России и Украине является «главной причиной для беспокойства», а введённые повсюду тарифы позволяют Пекину получать выгоду и заигрывать с союзниками Вашингтона. Что касается последствий для экономики, тарифная политика может «потопить» президентство.

Более определённо высказывается обозреватель Мэри Анастасия О'Грейди: она высоко оценивает сокращения, культурную войну и дерегуляцию, но «сделочный» подход Трампа обнажил «этический вакуум» в политике по отношению к России и иммиграции, а его управление экономикой стало настоящим «эпическим провалом».

Система сдержек и противовесов

The New York Times устроила «проверку» того, насколько система сдержек и противовесов американской демократии способна ограничивать действия Трампа. В своём первом обзоре Чарли Сэвидж отмечает, что в исполнительной власти федеральные агентства оказались подчинены его воле, а назначения в кабинет министров не играют заметной роли. Конгресс не обеспечивает никаких сдержек, а действия

судов лишь демонстрируют их собственные пределы: их решения оспариваются администрацией.

Верховный суд не вынес решения ни по одному из шагов Трампа, хотя в вопросах иммиграционной политики он распорядился приостановить все депортации по чрезвычайным обстоятельствам. Некоторые окружные судьи прибегли к судебным запретам, мощному правовому инструменту, который позволяет федеральным судам выносить решения, действующие на всей территории страны. Однако Верховный суд постановил, что такие судебные запреты подлежат исполнению только в тех округах, в которых содержатся сами иммигранты.

Как пишет в WSJ Джеймс Таранто, неудивительно, что при одностороннем характере этих судебных запретов «окружные судьи в совокупности оказались самым серьёзным противовесом» Трампу, «особенно» потому, что «более половины» из всех 630 действующих окружных судей были назначены Барком Обамой и Джо Байденом [12 февраля]. WSJ считает позицию *The New York Times* излишне алармистской – газета будто намекает на нелиберальное искажение баланса властей. WSJ, в свою очередь, напротив, приветствует то, что Верховный суд поставил жестокости на место. Консервативное издание также положительно оценивает шаги Трампа по урезанию полномочий федеральных агентств: они «регулируют большую часть американской экономики», но «кому именно они подотчетны?». Кимберли Страссел продолжает эту тему, приписывая Трампу намерение положить конец их грубому регулированию.

Что касается торговой политики, WSJ сначала с надеждой отнесся к назначениям Трампа, но позже посоветовал на их кратковременный характер; однако Элисия Финли по-прежнему полагает, что министр финансов Скотт Бессент может исправить «глупости» президента. Газета также приветствовала бы, если бы Конгресс вернул себе полномочия, ранее делегированные президенту в виде «ускоренной процедуры» для торговых переговоров.

Штаты и суды

Целый ряд сторон обратились в суды по всем пунктам повестки Трампа, оспариваемым в судебном порядке: тарифы, иммиграция, сокращение федеральных агентств, права личности, сокращение федерального финансирования штатов и расширение полномочий исполнительной власти. Калифорния, как и в первый срок Трампа, возглавляет эту юридическую оппозицию; она может похвастаться экономикой, которая превосходит экономику Великобритании и сопоставима с японской.

Губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом, демократ национального масштаба, высказался по поводу Азии в интервью японскому деловому изданию *Nikkei*. «Наши ценности контрастируют» с теми, которые выражает нынешний президент, сказал Ньюсом, предлагая «открытую руку» Китаю и другим партнерам, потому что «прямые и косвенные экономические издержки» тарифов оказывают «непропорционально большое влияние» на Калифорнию по сравнению с другими штатами.

По данным *Los Angeles Times*, в первый срок президентства Трампа Сакраменто подал 120 судебных исков. Теперь же, за первые 100 дней, уже инициировал 15 судебных процессов – почти всегда вместе с другими штатами – и присоединился к 18 уже идущим делам. К

ЧИКАГО И НЬЮ-ЙОРК, ДВЕ ДУШИ THE WALL STREET JOURNAL

После второй мировой войны *The Wall Street Journal* отражал политическую психологию консерваторов Среднего Запада, которая оставила след в его истории. Барни Килгор (1908–1967), глава Dow Jones Company с 1941 года, превратил нью-йоркскую финансовую газету в национальную политико-деловую ежедневную газету, добавив к редакции в Тихоокеанском регионе (1929) редакции на Юго-Востоке (1948) и Среднем Западе (1961). Роберт Бартли (1937–2003) сменил Вермонта Ройстера (1914–1996) в 1972 году и руководил страницей комментариев и мнений (op-ed).

В 1947 году все руководители были выпускниками одного и того же методистского колледжа в Индиане; среди них было только два еврея, и до 1970-х годов при найме сотрудников основное внимание уделялось Среднему Западу. По словам Эдварда Э. Шарфа (*Worldly Power*, 1986), страница op-ed десятилетиями оставалась глуха к либеральному подходу, который начал усиливаться в новостной редакции с приходом журналистов, обучавшихся в университетах Восточного побережья, в период глобальной экспансии газеты с 1970 года под руководством преемника Килгора, Уоррена Филлипса (F. Palumberi, *The Wall Street Journal* (1985); сейчас в книге F. Palumberi, *Gli imperi dei mass media in America*, Edizioni Lotta Comunista, 2011).

В периоды политических кризисов или перемен напряжённость между мировоззрением Среднего Запада и побережья проявилась неоднократно. В зависимости от фаз делового цикла экономические идеи менялись и в конечном итоге пришли к Чикагской школе и её внутренним разногласиям. Когда Филлипс передал президентство Питеру Канну (1989–2007), газета уже отражала разнообразие областей и точек зрения.

Пол Гуго (р. 1955, Техас) – член редколлегии и редактор страницы комментариев и мнений (op-ed). Выросший в Висконсине в франко-бельгийской семье, после двенадцати лет обучения в католических школах он окончил Дартмут (Нью-Гэмпшир). В 1980 году присоединился к WSJ и после двух лет в Чикаго переехал в Гонконг, где стал главой WSJ Asia. С 1987 года является политическим комментатором в Вашингтоне (рубрика *Potomac Watch*), а также был сотрудником Белого дома во время президентства Рональда Рейгана. В 1990-х годах он был известным телеведущим, а в 2001 году принял руководство страницей op-ed от Боба Бартли, который сохранил за собой должность почётного редактора.

Джеймс Таранто (род. 1966, Калифорния) является членом редакционной коллегии с 2007 года и редактором редакционных материалов с 2017 года. Не закончив учёбу в Калифорнийском государственном университете, он присоединился к аналитическим центрам Heritage Foundation и Manhattan Institute. В 1996 году он пришёл в WSJ, где прославился своим умением сокращать длинные статьи. Консерватор и неверующий, с 2000 года он освещал различные темы в рубрике «Best of the Web» и занимался подготовкой материалов для страницы op-ed – сначала на сайте *OpinionJournal.com*, а затем и в печатной версии. Он женат на китайско-канадской актрисе Анастасии Лин, активистке, критикующей Пекин.

Кимберли Страссел (р. 1972, Орегон) с 2005 года является членом редакционной коллегии, с 2007 года – помощником редактора отдела специальных материалов и обозревателем в «Potomac Watch». Выпускница Принстона, она пришла в WSJ Europe и с 1999 года писала о рынке недвижимости из Нью-Йорка. После развода с Мэтью Роузом, который недавно перешёл в *The New York Times*, она живёт на Аляске. Автор книг о гендерном неравенстве, в 2019 году она утверждала в книге «Спротивление (любой ценой)», что тотальное противостояние Трампу нанесёт больше ущерба, чем его короткое президентство.

Холман У. Дженкинс-младший (род. 1959, Пенсильвания) – член редакционной коллегии и комментатор *Business World*. После обучения в колледжах Хобарт и Уильям Смит в 1992 году пришёл в WSJ, до этого публиковался в консервативных журналах *National Review* и *Policy Review*.

Джозеф С. Стернберг (род. 1982, Вермонт) – член редакционной коллегии и обозреватель по вопросам политической экономики. Окончив Колледж Уильяма и Мэри в Вильямсбурге (Вирджиния), он присоединился к WSJ в 2006 году в качестве обозревателя в Гонконге, а затем в WSJ Europe. Он является автором книги «Кража десятилетия: как поколение бэби-бумеров украло экономическое будущее миллениалов» (2019).

Мэри Анастасия О'Грейди (р. 1957, Пенсильвания) является членом редакционной коллегии с 2005 года и обозревателем по вопросам Северной и Южной Америки. После десяти лет работы в *Merrill Lynch* она присоединилась к WSJ [1995], является соредктором «Индекса экономической свободы», ежегодного отчёта, который с 1995 года публикуется WSJ и Heritage Foundation; она входит в совет директоров другого либертарианского аналитического центра, *Liberty Fund of Indiana*.

Пегги Нунан (р. 1950, Нью-Йорк) пишет в колонке «Декларации». Она была автором речей Рональда Рейгана (1984–1986), которому посвятила несколько книг; до 1990 года была замужем за Ричардом В. Раном, сторонником экономики предложения, который в то время был экономистом в Торговой палате. Практикующая католичка из Верхнего Ист-Сайда, она посвятила один из своих текстов папе Иоанну Павлу II. С 2016 года она критически относится к Трампу.

Калифорнии в её оппозиции тарифам присоединились ещё десяток других штатов, возглавляемых губернаторами-демократами, такими как Нью-Йорк, Иллинойс, Орегон, Колорадо, Нью-Мексико, Миннесота, Коннектикут, Делавэр и Мэн, или с генеральными прокурорами-демократами (Невада и Вермонт). От востока до запада, от среднего запада до юга, почти все регионы Соединённых Штатов участвуют в юридической оппозиции тарифам.

«Момент Миттерана?»

По словам Чарли Сэвиджа из *The New York Times*, пока единственным «предохранителем», доказавшим свою эффективность, оказались рынки. Доллар, фондовая биржа и цена казначейских

облигаций, с помощью которых Вашингтон финансирует свой долг, негативно отреагировали на «День освобождения» и угрозы президента в адрес Джерома Пауэлла, главы Федеральной резервной системы. Трампу пришлось совершить «разворот на 180 градусов», и WSJ задался вопросом, не наступил ли для него «момент Миттерана» – отсылка к французскому президенту, избранному в 1981 году под кейнсианским лозунгом увеличения расходов, но вынужденному в 1983 году принять план жесткой экономии. «Мы бы очень хотели этого, – заключил WSJ через несколько дней, – но Трамп ещё далек от такого поворота».

Медлительная Европа снова проходит испытание Меркосур

В 2019 году, после двадцати лет переговоров, Европейская комиссия заключила соглашение о свободной торговле с Меркосур – таможенным союзом, в который сегодня входят Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай и Боливия. Это предварительное соглашение, объявленное на саммите G20 в Осаке, было воспринято как мощный либертский сигнал Европы в ответ на Брексит и тарифные войны Дональда Трампа. Однако с тех пор французское вето препятствовало ратификации соглашения, и теперь, после переизбрания Трампа, этот вопрос вновь выходит на первый план.

Давление Германии

В 2023 году Еврокомиссия Урсулы фон дер Ляйен пыталась пересмотреть соглашение, добавив более жёсткие экологические ограничения, которых добивался Париж. Однако и эта инициатива столкнулась с сопротивлением Франции. В декабре прошлого года президент Эмманюэль Макрон вновь отверг текст, «написанный двадцать лет назад» и «недоработанный». Ключевой аргумент французской стороны – отсутствие взаимности: нельзя открывать рынок ЕС для латиноамериканских экспортёров, если они не соблюдают те же экологические стандарты, что и европейские производители.

В начале этого года Еврокомиссия признала, что условий для заключения договора с Меркосур нет. На это решение повлияли широкое освещение в СМИ протестов фермеров в различных странах и приближение выборов в Европарламент.

Канцлер Германии Олаф Шольц всегда был одним из главных сторонников скорейшей ратификации соглашения. В сентябре он вместе с десятью другими главами правительств ЕС подписал обращение к фон дер Ляйен, о котором сообщила *Financial Times*: «В условиях растущей геополитической напряжённости создание прочных международных альянсов становится всё более важным». Речь идёт о «надёжности» Европы. В отсутствие соглашения ЕС – Меркосур «другие державы получат ещё большее влияние на рынки Латинской Америки –

как в экономическом, так и в политическом плане. За последние десять лет европейские компании потеряли в среднем 15 % своей доли на рынках региона». «Другие державы» – значит Китай.

Французское вето

«Суперэлекторальный год» укрепил позиции фон дер Ляйен, ослабил партию Макрона и вернул Трампа в Белый дом. Когда Еврокомиссия вновь подняла вопрос о соглашении с Меркосур, предложив объявить о нём на саммите G20 в Рио-де-Жанейро 18–19 ноября, это вызвало немедленную реакцию Франции. Сельскохозяйственные профсоюзы вновь вывели на улицы тракторы. Премьер-министр Мишель Барнье, бывший министром сельского хозяйства при Николя Саркози, отправился в Брюссель, чтобы подтвердить непримиримую позицию Франции. После встречи с фон дер Ляйен он выразил уверенность, что «Комиссия поняла, что в нынешних обстоятельствах это соглашение неприемлемо для Франции и не будет принято».

Газета *Le Monde* опубликовала очередное обращение к фон дер Ляйен, подписанное 622 депутатами, сенаторами и евродепутатами от основных французских партий. В нём напоминает о двух резолюциях Национального собрания и Сената: «Нет демократических, экономических, экологических и социальных условий для заключения и вхождения в силу соглашения с Меркосур». Немыслимо, чтобы Еврокомиссия вынесла вопрос на голосование в Европейском совете и парламенте «вопреки демократической воле почти единогласного большинства французских парламентариев». Не может быть и речи о том, чтобы институты ЕС «проигнорировали оппозицию Франции – великой страны-основательницы Союза».

Ослабленный Париж

ЕС централизовал торговую политику, передав её в ведение Еврокомиссии. Но с Лиссабонского договора 2009 года каждое соглашение должно быть одобрено простым большинством в Европейском парламенте и квалифицированным большинством в Совете ЕС – то есть не менее 15 правительств, представляющих 65 % населения Союза. Сегодня Париж, похоже, не в состоянии собрать блокирующее меньшинство против соглашения с Меркосур и опасается, что Брюссель пойдёт на его заключение, несмотря на политическое вето Франции. Письмо французских парламентариев завершается предупреждением: игнорирование их оппозиции «несомненно, приведёт к демократическому взрыву в нашей стране, которая и так находится под угрозой антиевропейского популизма». Иными словами, фон дер Ляйен предупреждает: открытие рынка для Меркосура поставит под угрозу проевропейский консенсус во Франции.

Это шантаж слабых, знакомый нам по классической тактике итальянского империализма бедняков, прекрасно понимающего, что франко-немецкая ось его не оставит. Тот факт, что подобные угрозы исходят из Парижа – политического сердца Европы, – является приметой времени, но всё же производит впечатление. Это очевидное противоречие с грандиозными амбициями европейского суверенитета в духе доктрины Макрона, а также перспективами общей внешней политики, способной прини-

мать решения без парализующего требования единогласия.

Федералист Лами

В интервью газете *L'Opinion* в марте прошлого года француз Паскаль Лами вспоминал, как в начале 2000-х, будучи европейским комиссаром по торговле, продвигал открытие рынка ЕС для импорта из более бедных стран, несмотря на сопротивление Франции и раздражение президента Жака Ширака. По мнению Лами, соглашение с Меркосур выгодно с коммерческой точки зрения и стратегически необходимо: «Если у Комиссии хватит смелости, она пропустит голосование квалифицированным большинством, даже если для этого придётся выделить торговую часть соглашения отдельно».

Брюссель мог бы последовать модели соглашения о свободной торговле между ЕС и Канадой (СЕТА), временно вступившего в силу в 2017 году в части, касающейся исключительно торговли и находящейся в ведении ЕС. Остальные положения, относящиеся к совместной компетенции стран-членов, до сих пор ожидают ратификации национальными парламентами. Недостаток этого прагматичного решения в том, что теоретически провал ратификации в одной стране может поставить под угрозу все временное соглашение. Несмотря на очевидные недостатки, это реальный способ продолжения трудной континентальной централизации в сфере европейской торговой политики.

Знаменательно, что Лами напоминает немке фон дер Ляйен о прецеденте, когда ЕС решил оставить Францию в меньшинстве, хотя тот случай, разумеется, не имел такого политического веса, как торговое соглашение с Меркосур – крупнейшее из когда-либо заключённых Союзом. При этом единство французских партий в оппозиции не отражает общей позиции страны: например, промышленная конфедерация *Medef* и ведущие газеты выступают за соглашение.

Испытание централизацией

Брюсселю сложно пойти против Парижа, но не менее проблематично игнорировать Берлин, настаивающий на сделке с Южной Америкой. Французская деловая газета *Les Échos* отмечает, что теперь – после введения пошлин на китайские электромобили вопреки воле правительства Шольца и мощного немецкого автопрома – фон дер Ляйен «может позволить себе одобрить соглашение с Меркосур, несмотря на возражения Парижа, не вызывая подозрений в предвзятости в пользу Германии».

Главный вопрос – как европейские институты смогут действовать в условиях нынешних разногласий и ослабления франко-германской оси, когда хрупкое правительство Барнье борется с кризисом госфинансов, а канцлер Шольц вынужден идти на досрочные выборы. Ослабят или укрепят президентство фон дер Ляйен трудности, с которыми сталкиваются две главные европейские державы? Сможет ли она ускорить переговоры с Меркосуром, придётся ли ей ждать или вовсе отказаться от соглашения? Ответ на этот вопрос станет важным индикатором как пределов сохранения тенденции на либеризм и многосторонность в условиях меняющегося мирового цикла, так и способности Европы-державы к стратегическому

действию. У ЕС, похоже, не так много альтернативных направлений: провал Брексита на севере, война России и Украины на востоке, возвращение Трампа на западе и проникновение китайского капитала в традиционную африканскую сферу влияния на юге.

Потерянное время

На момент написания статьи саммит G20 в Бразилии завершился без видимого прогресса в переговорах ЕС–Меркосур. Как бы ни закончилась эта партия, её затянувшийся характер уже сам по себе является частичным поражением для ЕС. Четверть века, пока шли переговоры, неравномерное экономическое развитие неумолимо продолжалось. Переговорные позиции ЕС ослабли вместе с его долей на мировом рынке. Например, доля бразильского агропродовольственного экспорта, приходящаяся на ЕС, упала с 40,9 % в 1999 году до 13,3 % в 2024-м; место Европы во многом занял Китай, на который теперь приходится доля в 32,6 %. Ингу Плэгер, вице-президент Бразильской ассоциации сельскохозяйственного рынка, объясняет на страницах *Le Monde*: «Ожидания агропродовольственного сектора уже не те, что двадцать лет назад»: соглашение с Европой по-прежнему важно, «но уже не является жизненно необходимым».

Перед поездкой на саммит G20 в Рио председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в открытии крупного перуанского порта Чанкай, 60 % которого принадлежит китайской группе Cosco. Это очередная мощная демонстрация экспансии китайского капитала в рамках Шёлкового пути. Время, потерянное Европой, стало временем, выигранным Китаем, который преодолел историческое отставание и теперь проецирует своё влияние по всему миру. На слушаниях в Европарламенте по утверждению на пост верховного представителя ЕС по иностранным делам бывший премьер-министр Эстонии Кайя Каллас так сформулировала испытание Меркосур: «Если мы не заключим с ними торговое соглашение, этот вакуум действительно заполнит Китай».

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

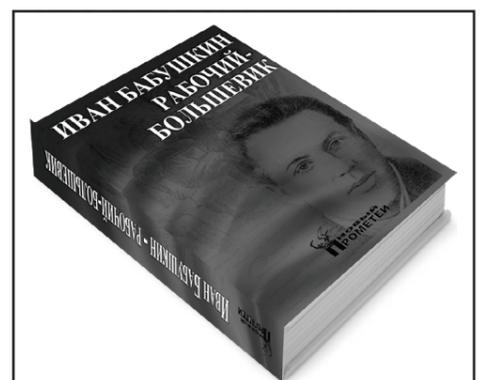
Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

**ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК**

2010, 204 страницы,
мягкий переплет.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Резня на квадратный метр

«До того как Мелони стала премьер-министром Италии, она обещала сократить иммиграцию. С тех пор, как она вступила в должность, количество выданных Италией рабочих виз для граждан стран, не входящих в ЕС, увеличилось». Так *The Economist* от 26 апреля резюмирует шизофрению их политики. И это касается не только Италии: «Чистая миграция выросла также в Англии после Брексита».

Потребности экономической системы не совпадают с риторикой парламентаризма. Верно и обратное.

Шизофрения и дисбалансы их политики

Останемся пока в Италии. Банк Италии напоминает, что к 2040 году, всего через 15 лет, стране будет не хватать 5 миллионов людей трудоспособного возраста. По оценкам, это может привести к сокращению производства на 11 %.

Вот почему даже *совралистское* правительство вынуждено расширить рамки декрета о потоках мигрантов. Последний документ, утверждённый 30 июня, предусматривает за трёхлетие 2026–2028 годов въезд почти 500 тысяч иммигрантов, из которых 267 тысяч – сезонные работники в сельскохозяйственном и туристическом секторах. Это на 10 % больше, чем в предыдущем декрете.

Но там, где не берёт верх идеология, палки в колёса вставляет «нарушение равновесия»: из 136 тысяч мест, выделенных в 2023 году, только 26 тысяч, менее одной пятой, завершились заключением договора о пребывании – последней ступени перед получением вида на жительство. В итоге «многие работники, законно въехавшие в нашу страну, остались в лимбе нелегальности, что ведёт к «чёрному» труду и эксплуатации» (*Il Sole-24 Ore*, 30 июня). Сроки оформления настолько затянуты, что жалуются даже работодатели: особенно в сельском хозяйстве, где временный рабочий рискует получить разрешение уже после окончания сезона.

Проблема не ограничивается Италией. Во Франции предприниматели критикуют затяжку сроков – более года после принятия закона – с публикацией списка «дефицитных профессий», который должен был упростить легализацию мигрантов для восполнения нехватки рабочей силы. Задержка, пишет *Le Monde* (23 мая), связана также с тем, что нынешний министр внутренних дел Бруно Ретайо, ещё будучи лидером республиканцев в Сенате, возглавлял борьбу против видов на жительство для работников таких профессий.

В Германии предприниматели обеспокоены решением польского правительства вновь ввести пограничный контроль даже для «маятниковых» работников, которые ежедневно ездят из Польши на немецкие предприятия: «Если они не смогут прибывать вовремя, возрастает риск, что они окончательно сменяют работу, с последующим дефицитом квалифицированной рабочей силы в Бранденбурге», – жалуется Хелена Мельникофф, директор Немецкой торгово-промышленной палаты (*Handelsblatt*, 7 июля). Но нужно учитывать, что польская инициатива также является ответом на депорта-

цию просителей убежища со стороны берлинского правительства.

В США кампания по депортациям, сопровождавшая антииммигрантскую риторику Дональда Трампа, встретила явное сопротивление со стороны экономических групп, встревоженных нехваткой рук и мозгов. Федеральный резервный банк Далласа выражает опасение капитала: «Решительное ужесточение миграционной политики может существенно сократить экономический рост» (*Wall Street Journal*, 10 июля).

Неудержимая сила

Проблема носит стратегический характер. Всё тот же *The Economist* говорит о «великой африканской миграции», которая пересекается с демографическим упадком развитых стран, а всё чаще и в тех, что до недавнего времени были крупными экспортёрами рабочей силы, таких как Мексика и Филиппины, которые становятся «старее и богаче». Отсюда вывод, что африканская миграция – это «неудержимая сила [которая] будет среди процессов, определяющих XXI век». Игнорировать её, предостерегает он европейских лидеров, «значит действовать себе во вред». И заключает: «Африканцам нужны рабочие места; остальному миру нужны работники. Это совпадение интересов – большая возможность, если бы только обе стороны имели достаточно здравого смысла, чтобы за неё ухватиться».

Надо сказать, что некоторые соглашения уже двигаются в этом направлении. *The Economist* приводит пример договора между Кенией с Германией: африканская страна будет предоставлять «легальную» рабочую силу, обязуясь принимать обратно «нелегалов», тогда как немцы обещают поддержку в изучении языка и профессиональном обучении.

Как мы уже сообщали, аналогичные соглашения о подготовке потенциальных работников на месте заключали в Африке и итальянские предпринимательские ассоциации. В конце концов, необходимость в иммигрантской рабочей силе – это факт. *Unioncamere* фиксирует, что между 2021 и 2026 годами каждая третья итальянская компания наняла или планирует нанять работников из стран вне ЕС. Но именно *INPS* в своём последнем годовом отчёте за июль 2025 года даёт наиболее показательный срез нынешней ситуации и её динамики.

Реальное изменение нашего класса

В частном секторе более 16 % занятых – иностранцы. Но среди рабочих и стажёров их уже каждый четвёртый. В том, что несколько напыщенно называется *made in Italy* (текстиль, обувь, мебель), труд неитальянцев составляет 24 %. В гостинично-ресторанной сфере этот показатель достигает 26 %, в строительстве – 27 %. В сельском хозяйстве эта доля достигает 40 %, а среди домашнего персонала и сиделок – до 73 %. И всё это – только среди легализованных работников, исключая таким образом труд «в чёрную», который – из-за уже упомянутых дисбалансов – особенно широко распространён среди иностранных работников.

Ещё более показательны цифры, выявляющие динамику явления. Поло-

Говорят, что факты упрямы. Но реальность настолько запутанна и многогранна, что с помощью фактов можно «доказать» всё что угодно. В интернете сегодня находят даже те, кто выдвигает теории «альтернативных фактов»: картинки и события сваливаются вместе в параноидальном стиле, и всё это превращается в безумный мир конспирологических и антинаучных фантазий, которым цифровое мракобесие ухитряется обеспечивать и аудиторию, и пространство. Факты не говорят сами за себя. Их нужно связывать и выстраивать в иерархию с помощью понятий и научного метода. И тогда они действительно становятся мощным инструментом для понимания реальности и для её изменения. Для нас это и есть задача партии-науки – придать научный порядок пониманию хаотичного мира, который кажется Вавилоном, где всё спутано воедино, и напавить тех, кто хочет вести борьбу в качестве революционера.

Возьмём перевооружение Европы, вокруг которого льются целые потоки слов. Насколько оно реально? *Financial Times* – возможно, именно потому, что эта газета родилась из английского прагматизма, больше верящего фактам, чем теории, – с помощью радарных спутников Европейского космического агентства замерила расширение заводов по производству боеприпасов и ракет. Картина такова: 150 предприятий, принадлежащих 37 концернам, семь миллионов квадратных метров новых промышленных площадей. Темпы роста утроились с началом войны на Украине, и наибольшая интенсивность наблюдается именно там, куда поступают деньги Евросоюза. Перед нами перевооружение исторического масштаба: производственные цепочки стали и взрывчатки для бомб прокладывают путь к ракетам.

А теперь взглянем на Италию и на вес мигрантов в составе рабочей силы – измеренный неопровержимыми данными о застрахованных в *INPS*, то есть без учёта теневого труда. Не только 40 % сельхозрабочих и три четверти домашнего персонала и сиделок имеют иностранное происхождение, но и один из четырёх рабочих частного сектора – примерно 2,6 миллиона из 10,5. Но разве рабочий класс не исчез?

Эти факты действительно могут говорить – но только через голос марксизма. Квадратные метры ангаров, стремительно растущих ради перевооружения Европы, находят соответствие в квадратных километрах разрушений на Украине и в России. А также и в Газе, поскольку ЕС является одним из крупнейших экспортёров оружия. А пока увеличиваются квоты на въезд мигрантов – ведь миллионы рабочих и батраков не заменить уже нигде, – им скупятся давать права и гражданство. Буквально: общество капитала строит, чтобы разрушать, и вынуждено нанимать рабочие руки, но предпочитает держать их в изоляции. Единственный путь к по-настоящему человеческому обществу – это коммунизм. И это тоже факт.

вина роста застрахованных в *INPS* между 2019 и 2024 годами была обеспечена гражданами стран вне ЕС. Если в 2019 году иностранцы составляли 13,5 % работников частного сектора, то всего через пять лет эта доля выросла почти на три процентных пункта – до 16,2 %, а среди работников в возрасте около 37–38 лет – до 21 %, то есть уже каждый пятый. Всё это сигналы роста, который, говоря словами *The Economist*, имеет «неудержимую силу».

Британский еженедельник вновь подчёркивает интерес к упорядоченному и выборочному приёму иностранной рабочей силы. Он оценивает, что 900 миллионов человек в мире хотели бы мигрировать на постоянной основе. Но поскольку сделать это легально крайне трудно, многие обходят проблему, запрашивая убежище и рассчитывая на затянутые сроки рассмотрения. Отсюда его призыв «отправить на свалку нынешнюю систему предоставления убежища» (*The Economist*, 12 июля): ужесточить правила, отправлять просителей в третьи страны (так называемая «албанская модель» Джорджии Мелони, на удивление, пользуется поддержкой) – и

вместо этого сосредоточиться на «упорядоченном притоке талантов».

Капиталистический отбор и интернационалистское единство

Из Германии поступает ещё одно подтверждение. Экономическая газета *Handelsblatt* (21 июля) предостерегает правительство: «Конечно, ограничение нелегальной иммиграции необходимо, но столь же очевидно, что Европе нужна иммиграция, особенно квалифицированная». Следовательно, министрам Европы «следовало бы сосредоточиться» именно на том, как «облегчить» процесс этих въездов.

Стратегия игры раскрыта: отбирать «таланты» в соответствии с потребностями капитала. У некоторых эта игра получается: делать суровое лицо, но при этом вербовать нужных работников. Другие же не продвигаются дальше первого этапа – и отчасти из-за собственных дисбалансов.

Наша же концепция гостеприимства совершенно иная, поскольку исходит из классовой перспективы: единства всех наёмных работников, откуда бы они ни происходили и по какой бы причине ни перемещались.

Lotta comunista, июль – август 2025 г.